

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий том, открывающий «Историю русского искусства», является одновременно первым в серии из девяти томов, посвященных самому раннему ее периоду. Нижняя хронологическая граница этого периода приходится на VI в. — эпоху активного расселения славянских племен на территориях Восточной Европы, а верхняя совпадает с рубежом XVII–XVIII вв., началом правления Петра I и превращением Русского царства в Российскую империю.

Древнейшая пора истории русской художественной культуры уже более двух с половиной столетий привлекает к себе внимание любителей отечественной старины, этнографов, филологов, археологов, историков Церкви и ее литургического обихода и, конечно, историков искусства. Первоначально из всей массы сохранившихся памятников выделялись «вещи необыкновенные» и то, что «зело старо» [1], — прежде всего, «древние жалованные грамоты и другие курioзные письма оригинальные, также книги исторические рукописные и печатные, ...потребные к известию», т.е. содержащие важные свидетельства [2]. Но если свидетельства письменных источников и печатных изданий уже в первые десятилетия XVIII в. вызывали серьезный интерес у политиков и историков, то вещественные памятники еще долго оставались в разряде диковинок. Они пробуждали любопытство, в лучшем случае — чувство благоговейного почтения к древним реликвиям, но не воспринимались как произведения искусства. Так в указе Сената от 4 августа 1732 г. предписывалось всем учреждениям отдавать для сохранения в «Мастерскую [Оружейную] палату серебряные и золотые вещи, которые оставлены быть имеют для курioзитета» [3].

Что же касается памятников древнего зодчества, то впервые общественное внимание к ним было привлечено Академией наук, выступившей в 1759 г. с инициативой создания списка «всем синодальным строениям во всем Российском государстве, а именно: соборным приходским церквам, также и всем монастырям по всем городам и селам... Сверх того присланы бы были из монастырей копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории» [4]. Объектом научных описаний древние постройки сделал, конечно, интерес к отечественной истории, а не собственно их художественные достоинства. Одним из первых авторов, обратившихся к систематическому составлению описей такого рода, был московский архиепи-

скоп Амвросий (Зертис-Каменский) [5]. Однако сделанные им подробные описания соборов Московского Кремля — Успенского, Архангельского и Благовещенского, включавшие историю их строительства и реставраций, — остались не опубликованными из-за трагической гибели святителя во время чумного бунта в 1771 г. [6]

Рубеж XVIII–XIX вв. в России, как и других странах Европы, был отмечен возрастающим интересом общества к своему прошлому, истокам национальной культуры, к проблеме «народности». Целую плеяду талантливых ученых, занятую разысканиями и публикацией памятников древней письменности, археологическими раскопками, этнографическими наблюдениями, объединяет вокруг себя граф Н.П. Румянцев [7]. Многие сотрудники графа были в числе основателей Общества истории и древностей российских при Московском университете, устав которого император Александр I утвердил в январе 1811 г. В его третьем параграфе говорилось о том, что «Общество постарается собирать древние рукописи, медали, монеты и другие памятники, служащие к пояснению разных происшествий в русской истории» [8]. Практически одновременно, в 1809–1810 гг. правительство организовало историко-археологическую экспедицию для зарисовки и описания старинных предметов в некоторых городах и монастырях России [9].

Национальный подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., заставил по-новому посмотреть на памятники старины. Постепенно в глазах любителей древностей из пассивных свидетелей истории, роль которых сводилась к комментированию событий, известных по письменным источникам, они начинают превращаться в субъекты этой истории, ее прямых и активных участников. В качестве таковых они становились интересны и для большей части образованного русского общества.

И все же в начале XIX в. отечественные древности были еще мало известны публике. Тем более никто не рассматривал и не пытался оценивать их как произведения искусства. Даже Н.М. Карамзин на вопрос Гёте, касающийся русской иконописи, отвечал весьма уклончиво [10]. Да и об известных ему миниатюрах в старинных рукописях он отзывался без всякого восторга. О мозаиках Софии Киевской он писал, что это «работа более трудная, нежели изящная» [11].

Первым существенным вкладом в изучение искусства Древней Руси стало издание

[1] Именной указ Петра от 13 февраля 1718 г. // Охрана культурного наследия, 2000. № 14. С. 24.

[2] Указ Сената от 20 декабря 1720 г. «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» // Охрана культурного наследия, 2000. № 16. С. 25. Среди «курioзных писем» особенно выделялись «церковные и гражданские летописцы», что подтверждает указ Петра I от 16 февраля 1722 г. (см.: Там же. № 21. С. 28).

[3] Там же. № 31. С. 38. Понятный интерес памятники зодчества и живописи допетровского времени вызывали у приезжих иностранцев, многие из которых оставались жить в России. В частности, разысканиями сведений о них занимался член С.Петербургской академии наук Якоб Штелин, к сожалению, не успевший что-либо о них написать (см.: Малиновский, 1982. С. 243–244).

[4] Охрана культурного наследия, 2000. № 50. С. 50.

[5] Евгений, митроп., 1995. С. 31–33.

[6] Описания, подготовленные к публикации Н.Н. Новиковым и Н.Н. Бантыш-Каменским, племянником архиепископа Амвросия, в историческом журнале «Сокровище российских древностей», были запрещены к печати святейшим Синодом в 1789 г. (см.: Долгова, 1992. С. 181). Текст был опубликован в кн.: Сокровища Российских древностей, 1986.

[7] Козлов, 1981.

[8] Охрана культурного наследия, 2000. № 81. С. 78.

[9] Поленов, 1871. С. 62–71; Вздорнов, 1986. С. 21.

[10] Кобеко, 1890.

[11] Карамзин, 1830. Т. 2. С. 39.

в Москве в 1822 г. книги П.И. Кёппена, одного из членов кружка графа Н.П. Румянцева, со своеобразным названием: «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художества и отечественной палеографии» [12]. Помимо многочисленных древних рукописей с миниатюрами, составившими основу «Списка», в него вошли описания стенописей и даже отдельных произведений иконописи. По сравнению с предыдущими опытами описания и зарисовок памятников, он, насколько это было в его силах, пытался представить их и как «художественные творения», отмечая сюжетные и иконографические особенности изображений.

Постепенно просвещенная часть общества начинает обращать все большее внимание на древние памятники зодчества, иконописи и монументальной живописи, но по-прежнему видит в них, в первую очередь, драгоценные обломки отечественной старины, достопамятности народного быта и, конечно, святыни Русского государства и Церкви. Вместе с тем в 1830-х — 1840-х гг. к ним как к образцам подлинно «национального стиля» все чаще начинают обращаться зодчие и художники. Наиболее ярким проявлением этой тенденции стало инициированное государством издание «Древностей Российского государства». Его четыре тома с многочисленными литографическими таблицами, сделанными по рисункам художника-археолога Ф.Г. Солнцева, и с комментариями И.М. Снегирева вышли в свет в 1849–1853 гг. [13] В те же годы появились первые серьезные исследования, посвященные древнерусской иконописи. Их авторы И.М. Снегирев [14], И.П. Сахаров [15], Д.А. Ровинский [16] ставили перед собой задачу свести воедино все доступные им летописные свидетельства о древних иконах и иконописцах, о наиболее интересных и чтимых памятниках, находящихся в храмах древних русских городов, старообрядческих молельнях и иконных горницах. На основании собственных наблюдений, преданий и мнений иконников «старинщиков» и торговцев, снабжавших собирателей, главным образом купцов-старообрядцев, древними иконами, они попытались систематизировать характеристики примет разнообразных «писем» и «пошибов». Они надеялись, что такая система позволит различать иконы по месту и времени их создания.

Почти одновременно, в 1842–1845 гг., И.М. Снегирев публикует два тома своего труда, посвященного истории Москвы и памятникам московской древности, где приводит описания прославленных сооружений и наиболее чтимых храмов и их святынь [17]. Практически в те же годы еще один исследователь московских древностей — А.А. Мартынов — начинает издавать серию альбомов литографированных зарисовок памятников древнерусской архитектуры, названную им «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества»

(комментарий к ним писал все тот же И.М. Снегирев) [18]. В 1860 г. архимандрит Макарий (Миролюбов) издает «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях» — труд бесценный по полноте приведенных в нем сведений [19].

Пробудившийся в обществе интерес к истории России, прошлому русского народа, укладу его жизни затрагивает, по сути, все грани национальной художественной культуры. Наряду с зодчеством и иконописью, внимание исследователей привлекает и самобытная традиция древнерусского певческого искусства. Еще в начале XIX в. митрополит Евгений (Болховитинов), выдающийся историк Русской церкви и церковных древностей, опубликовал доклад, в котором говорилось о важности изучения русского церковного пения с исторической точки зрения [20]. В 1846 г. известный археограф и библиофил В.М. Ундольский издал материалы по истории древнерусской музыки, почерпнутые из средневековых рукописей. Продолжением этого труда и первым опытом систематизации певческих рукописей стала вышедшая в свет в 1860-х гг. книга священника Д.В. Разумовского «Церковное пение в России» [21]. Предпринимаются и первые разыскания в области изучения истоков национального театра. В 1854 г. известный историк И.Д. Беляев опубликовал обширную статью, посвященную скоморохам, по его мнению, первым русским профессиональным актерам [22], как считали в дальнейшем и другие исследователи.

Такого рода публикации материалов историко-бытового, археографического и церковно-археологического характера, содержащие сведения о наиболее интересных, по мнению авторов, памятниках старины, явлениях и традициях национальной культуры, характеризуют первый период в истории открытия и изучения русского средневекового искусства.

Начало нового этапа приходится на 1860-е гг. Наряду с продолжающейся интенсивной работой по описанию и публикации памятников древности [23], он отмечен появлением трудов, авторы которых видят в них не только исторические свидетельства, но и собственно произведения искусства. Они уже пытаются описать их национальные особенности, своеобразие форм и сюжетов, дать оценку художественных достоинств. К числу самых значительных исследований такого рода относится опубликованная в 1866 г. статья выдающегося русского филолога и историка искусства Ф.И. Буслаева — «Общие понятия о русской иконописи» [24]. Буслаев первым указал на то, что своеобразие языка иконописи во многом связано с особенностями мышления средневекового русского человека. Ее высшим достоинством он считал способность передавать сокровенные чувства и думы людей того времени, их представления о мире и смысле жизни.

[12] Список русским памятникам, 1822.

[13] Древности Российского государства, 1849–1853. Отд. 1, 4–6.

[14] [Снегирев], 1848. С. 181–210.

[15] Сахаров, 1849. Кн. 1–2.

[16] Ровинский, 1856. Т. VIII. С. 1–196.

[17] Снегирев, 1842–1845. Т. 1–2.

[18] Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества, 1846–1859. Тетр. 1–18.

[19] Макарий, архим., 1860. Ч. 1–2 (переизд.: СПб., 2003).

[20] Евгений, митроп., 1804.

[21] Разумовский, свящ., 1867–1869. Вып. 1–3.

[22] Беляев, 1854. Кн. 20. С. 69–90; Тихофянов, 1861. Отд. 2.

[23] Одним из самых замечательных проектов того времени стало предпринятое в 1862 г. В.А. Прохоровым издание периодического журнала «Христианские древности и археология». Значительную помощь в осуществлении этого издания ему оказывал В.В. Стасов (см.: Христианские древности и археология за 1862/1863 и 1863/1864 гг.).

[24] Буслаев, 1866. С. 3–106 (переизд.: Буслаев, 1908. Т. 1).

Вместе с тем он же впервые обратил внимание на то, что на протяжении нескольких веков древнерусское искусство развивалось в русле общей для стран православного мира художественной традиции, бравшей свои истоки в Византии: «...в течение четырех столетий (от XI до XV включительно) искусство на Руси имело характер преимущественно византийский» [25]. Изучая истоки национальной художественной традиции, проблему ее самобытности, Ф.И. Буслаев уделял большое внимание теме культурных контактов, существовавших между Русью, странами Востока и Запада. В этой связи он особо подчеркивал, что при оценке произведений русской иконописи нельзя использовать то понятие о «прекрасном», которое утвердилось в европейской эстетике XVIII–XIX вв.

Идеи и методы Ф.И. Буслаева развивал Н.П. Кондаков, один из основоположников сравнительного иконографического метода, примененного им для изучения памятников средневекового византийского и русского искусства. В своих трудах он стремился проследить истоки каждого изобразительного мотива, все стадии его развития в конкретных исторических условиях. Именно Н.П. Кондаков в 1890-х гг. перешел от археографического описания памятников архитектуры, живописи, пластики, прикладного искусства, ставшего к тому времени традиционным, к представлению их в контексте определенных исторических эпох и культурных традиций. В изданных им совместно с И.И. Толстым выпусках «Русских древностей» есть книги, посвященные «эпохе переселения народов», памятникам Киева, Владимира, Новгорода и Пскова [26]. Для Н.П. Кондакова чрезвычайно важен был сам факт существования на единой географической территории, ставшей в определенный исторический период территорией средневекового Русского государства, разных народов и культур, сменявших друг друга, но не исчезавших бесследно, память о которых долгие годы удерживалась в художественной традиции — навыках ремесел, орнаментальных и сюжетных мотивах [27].

Еще один ученик Ф.И. Буслаева, академик А.Н. Веселовский применил методы сравнительного анализа материала (литературы и фольклора — обрядов, былин, песен) для изучения генезиса жанров народного русского театра [28].

На рубеже XIX–XX вв. в изучении средневекового искусства доминирующим становится сравнительный метод изучения иконографии и типологии. С ним мы встречаемся в учебнике В.М. Металлова, посвященном истории церковного пения в России [29], в монографиях А.С. Фаминицына «Скоморохи на Руси» [30] и П.О. Морозова «История русского театра до половины XVIII столетия» [31], в исследовании А.М. Павлинова «История русской

архитектуры» [32], а также в книге «Очерки христианской иконографии и искусства», написанной профессором Петербургской Духовной академии Н.В. Покровским [33].

Замечательный знаток и исследователь христианских древностей Н.В. Покровский последовательно применял иконографический метод, показывая как на протяжении столетий по мере развития догматики и богослужебного ритуала расширялся репертуар сюжетов, обогащалась символика церковного искусства [34]. Целью изучения церковной старины, как он считал, является выработка принципов правильного понимания содержания христианского искусства, представлявшего «одну из важнейших сторон древнерусского быта» [35].

Однако уже следующему поколению ученых такая постановка задачи казалась явно недостаточной, в ней, по словам выдающегося исследователя византийского искусства Д.В. Айналова, отсутствовало «мерило историко-художественное» [36]. Но само представление об этом новом «мериле» у разных групп специалистов, изучавших искусство Древней Руси, было неоднозначным. Авторы многотомной «Истории русского искусства», задуманной и редактируемой И.Э. Грабарем, первый том которой появился в 1910 г., преследовали цели, полностью противоположные тем, что ставили перед собой такие ученые, как Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков, Н.П. Лихачев, Н.В. Покровский. Соратник И.Э. Грабаря, автор статей о древнерусской живописи П.П. Муратов, писал об этом так: «Согласно с общей мыслью "Истории русского искусства", ...нас более всего интересует ее эстетическая сторона. На второй план отходят связанные с ней черты религиозной, политической, литературной и бытовой истории народа... Подлинные начала художественной оценки в равной мере приложимы и к произведениям искусства современного, и к искусству античному, и к искусству Возрождения, и к памятникам древнерусской живописи» [37]. На этом пути было сделано множество замечательных художественных открытий, впервые удалось раскрыть и донести до сознания широкой аудитории читателей и зрителей высокие эстетические достоинства средневекового русского искусства, позволившие поставить его в один ряд с самыми замечательными явлениями мировой художественной культуры.

Иначе понимали смысл такого исследования Д.В. Айналов, его коллеги по Петербургскому университету и ученики — П.П. Покрышкин, К.К. Романов, В.К. Мясоедов, Л.А. Мацулевич, Н.П. Сычев, Н.Л. Окунев и др. Главным для них было осмыслить развитие искусства как историко-культурный процесс, «научиться видеть задачу так, как ее понимал сам художник» [38]. Искомое решение, как они считали, мог дать только анализ «стиля форм, который, конечно, есть первая и главнейшая задача историко-

[25] Буслаев, 1866. С. 4.

[26] Толстой, Кондаков, 1889–1899. Вып. 1–6.

[27] Кондаков, 1899. С. 1–47.

[28] Веселовский, 1883.

[29] Металлов, 1893.

[30] Фаминицын, 1889.

[31] Морозов, 1889.

[32] Павлинов, 1894.

[33] Покровский, 1894; 3-е изд., 1910 (переизд.: М., 2000).

[34] Покровский, 1892 (переизд.: М., 2001).

[35] Покровский, 1910.

С. II.

[36] Айналов, 1913. Вып. 1. С. 13–14.

[37] ИРИ, [1914]. Т. VI.

С. 7, 8. Последовательный пропагандист именно такого подхода к оценке древнерусской иконописи художник А.В. Гриценко свою книгу так и назвал «Русская икона как искусство живописи», [1917].

[38] ИРИ, [1914]. С. 4.

художественного исследования» [39]. Если П.П. Муратов видел в стиле преобладание «элементов формальных над элементами содержания» [40], для них сама форма являлась началом содержательным. От археологического рассмотрения памятников они переходят к анализу каждого произведения искусства как уникального художественного свидетельства, которое могло возникнуть только в определенных исторических условиях под воздействием множества объективных и субъективных факторов.

Десятилетие, предшествовавшее началу Первой мировой войны и последовавшей за ней революции 1917 г., было исключительно плодотворным для изучения всех видов художественного творчества Древней Руси. Искусствоведение в это время превращается в научную дисциплину, обладающую собственной методологией и способностью совмещать скрупулезный анализ формы с широкими философскими и историко-культурными обобщениями. Не случайно, именно в эти годы, помимо уже упомянутых томов «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря, посвященных архитектуре и живописи, выходят: «История русского театра», написанная Б.В. Варнеке [41], и первый том одноименного коллективного труда по истории русского театра под редакцией В.В. Каллаша и Н.Е. Эфроса [42]; фундаментальное исследование В.М. Металлова «Богослужбное пение Русской церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным» [43] и книги Н.И. Красовского «Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества» и «Курс истории русской архитектуры. Деревянное зодчество» [44].

В первые послереволюционные годы, несмотря на их трагизм, исследования в области средневекового русского искусства не только не остановились, но продолжали интенсивно развиваться. Такое положение объяснялось, прежде всего, тем, что в результате масштабных экспедиционных и реставрационных работ, ученым стал доступен колоссальный по объему материал не известных ранее памятников и документов, в том числе относящихся к самым древним пластам национальной художественной культуры. В результате происходит переоценка старых взглядов на проблемы ее истоков. Наступление новой эпохи в истории России как будто подталкивало исследователей к широким обобщениям, пробуждало желание показать многовековую путь развития, пройденного русским искусством, оценить накопленный им опыт. К числу таких работ относится монография Н.Ф. Финдейзена «Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в.», в которой автор старался охватить все грани музыкальной культуры. Изложение материала он начинает с рассмотрения традиций, коренящихся в дохристианской эпохе [45].

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

ИСТОРИЯ РУССКАГО ИСКУССТВА

Въ обработкѣ отдѣльныхъ частей изданія приняли участіе:

Алекс. Бенуа, И. Я. Билибинъ, Ал. М. Васнецовъ, бар. Н. Н. Вранель, архит. О. О. Горюховъ, С. П. Дилевъ, академикъ Н. П. Кондаковъ, С. К. Маковский, проф. Г. Г. Павлуцкий, архит. В. А. Покровский, Н. К. Рерихъ, прив.-доц. Н. И. Романовъ, проф. М. И. Ростовцевъ, прив.-доц. А. А. Спицынъ, свящ. Н. А. Скворцовъ, проф. архит. В. В. Сулаевъ, В. К. Трутовскій, проф. А. И. Успенскій, проф. Б. В. Фармаковский, архит. И. А. Фоминъ, архит. А. В. Щусевъ и др.

*Томъ
I*

АРХИТЕКТУРА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ I. КНЖЕЛЬ

[39] Айналов, 1913. С. 13–14.

[40] ИРИ, [1914]. Т. VI. С. 28.

[41] Варнеке, 1908–1910. Ч. 1–2.

[42] История русского театра, 1914. Т. 1.

[43] Металлов, 1912.

[44] Красовский, 1911; Красовский, 1916. Ч. 1.

[45] Финдейзен, 1928. Т. 1–2.

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Томъ
I

ДО-ПЕТРОВСКАЯ
ЭПОХА

ИЗДАНИЕ
I. КНЕБЕЛЬ

[46] *Ainalov*, 1932; *Ainalov*, 1933; *Alpatov*, *Brunov*, 1932. Bd. 1–2.

[47] *Всеволодский-Гернгросс*, 1929. Т. 1–2.

[48] *Некрасов*, 1936; *Некрасов*, 1937.

[49] ИРИ, 1953. Т. 1. С. 7.

Особо ярко эта тенденция проявилась в работах историков древнерусской архитектуры и живописи, получивших в свои руки, благодаря реставрационным раскрытиям икон домонгольского времени, фресок Новгорода, икон и росписей Андрея Рублева в Звенигороде и Владимире, произведений ювелирного искусства, шитья, мелкой и монументальной пластики, памятники высочайшего художественного достоинства. Уже в начале 1930-х гг. появляются обобщающие труды Д.В. Айналова, Н.И. Брунова и М.В. Алпатова, в которых учитывались открытия историков, археологов и реставраторов и предлагались совершенно новые концепции развития искусства Древней Руси, основанные на тщательном анализе стиля памятников [46].

Вместе с тем с конца 1920-х гг. достаточно определенно стала проявляться тенденция оценивать все художественные процессы с позиции марксистской социологии искусства. Согласно ей, на сознание художников, на формирование тех или иных стилистических тенденций и явлений определяющее влияние оказывали идеалы и эстетические предпочтения, характерные для представителей разных классов и социальных групп. В результате из искусства практически полностью вытеснилось начало личностное.

В полной мере эта тенденция дает о себе знать в двухтомной «Истории русского театра» В.Н. Всеволодского-Гернгросса [47]. Сказываются они и в наполненных разнообразными сведениями и тонкими наблюдениями монографиях А.И. Некрасова, посвященных истории зодчества и изобразительного искусства Древней Руси [48]. Вышедшие в свет в середине 1930-х гг., эти книги вскоре оказались под запретом, поскольку в связи с развернувшейся в 1920–1930-х гг. борьбой с религией под запретом, по сути, оказалось само древнерусское искусство.

Общественный интерес к нему, как и в целом к древней истории и культуре России, возрождается вместе с патриотическим подъемом, вызванным событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Почти сразу после окончания войны коллектив научных сотрудников созданного тогда же Государственного института истории искусств Академии наук СССР приступает к написанию новой многотомной «Истории русского искусства». Работу над ней возглавили директор Института академик И.Э. Грабарь и профессор В.Н. Лазарев. Искусству Древней Руси в ней было отведено четыре тома, из которых первый был опубликован в 1953 г. Своей главной задачей составители и авторы считали, как было написано в предисловии, дать читателю «картину развития русского искусства в связи с общими процессами развития русской общественной жизни, борьбой различных классовых идеологий» [49]. Не менее

важной задачей было «вскрыть то самостоятельное и оригинальное, что русский народ внес в сокровищницу мирового искусства». Именно поэтому особый акцент ставился на раскрытие «народных основ русского искусства». Причем «народное» начало понималось прежде всего как «простонародное», крестьянское, чьи корни на протяжении столетий продолжали быть прочно связанными с родоплеменными традициями, культурой дохристианского периода: «Византийский вклад лег на твердую почву крепких славянских художественных традиций, обусловивших решительную творческую переработку заносных греческих форм...» [50]. Заданная концепция диктовала задачу «вскрыть в культовых по своему назначению произведениях... те народные черты, которые неизменно проникали в мир религиозных представлений и способствовали смягчению средневекового аскетизма» [51]. Вместе с тем символический смысл и функциональное, богослужбное назначение средневекового христианского искусства, их влияние на процесс формообразования, идейно-содержательное значение, просто игнорировались, либо трактовались как нечто вторичное, скрывающее его истинную народную сущность и красоту.

Взятая за основу идея почвенности не позволяла изучать русское искусство в контексте исследований восточнохристианской художественной культуры — выявлять тенденции, общие для всех православных стран, оценивать различия в характере образных интерпретаций, предлагаемых мастерами, связанными как с собственно византийской традицией, так и с традициями местными: новгородской, московской, тверской, псковской, ростовской и т.д.

Аналогичный методологический подход демонстрируют труды по истории и других видов русского искусства — театра [52], музыки [53], архитектуры [54], — издававшиеся в советское время. Феодално-средневековой идеологии и здесь противопоставляется «гуманистическое начало», носителем которого выступает народ [55]. Тем не менее, отдавая необходимую дань идеологическим требованиям, авторы упомянутых фундаментальных изданий сумели не только собрать и опубликовать колоссальный фактический материал, но и, основываясь на его тщательном анализе, создать картину исторического развития стиля, жанров и форм различных видов искусства.

Стремление проследить общие закономерности в развитии разных видов материальной и духовной деятельности народа на протяжении крупных периодов истории привело к созданию вскоре после окончания Великой Отечественной войны двухтомной монографии «История культуры Древней Руси» [56]. В работе над ней приняли участие ведущие историки, археологи, искусствоведы, филологи, музыковеды той поры. Ее второй том,

ИСТОРИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА И. Э. ГРАБАРЯ,
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР В. Н. ЛАЗАРЕВА
И ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР
В. С. КЕМЕНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М О С К В А
1 9 5 3

[50] ИРИ, 1953. Т. 1. С. 7.

[51] Там же.

[52] История русского драматического театра, 1977. Т. 1.

[53] *Келдыш*, 1947. Ч. 1; История русской музыки, 1957. Т. 1; *Келдыш, Левашова*, 1990. Т. 1.

[54] История русской архитектуры, 1956; Архитектура Восточной Европы: Средние века, 1966. Т. 3.

[55] *Келдыш, Левашова*, 1990. Т. 1. С. 3.

[56] История культуры Древней Руси, 1949–1951. Т. 1–2.

[57] Очерки русской культуры, 1970. Ч. 2; Очерки русской культуры, 1977. Ч. 2; Очерки русской культуры, 1979. Ч. 2.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1953

[58] Раппопорт, 1986; Вагнер, Владышевская, 1993; Раппопорт, 1993; Лихачев, Вагнер, Вздорнов, Скрынников, 1994; Лифшиц, 2000.

[59] Успенский, 1989.

[60] Бычков, 1992.

[61] Художественно-эстетическая культура Древней Руси, 1996.

[62] В число трудов такого рода входят и публикации текстов отечественных и зарубежных богословов, философов и историков искусства XX в.: Богословие в культуре Средневековья, 1992; Философия русского религиозного искусства XV–XX веков, 1993; Флоренский, 1996.

Т. 2; Православная икона, 1998; Тарабукин, 1999.

изданный в 1951 г., стал, по сути, первым серьезным опытом написания «комплексной» истории русского искусства. Сюда вошли главы, посвященные литературе и архитектуре, изобразительному искусству и музыке. Правда, это были достаточно краткие очерки, связанные между собой общими хронологическими рамками и характерными для того времени идейными установками.

Поскольку материал, рассматривавшийся в указанной монографии, не выходил за границы домонгольского времени, т.е. середины XIII в., существовала необходимость завершения этой работы. И она была продолжена через 20 лет в стенах Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1970 г. вышли «Очерки русской культуры XIII–XV веков», посвященные духовной культуре. Еще через несколько лет появились аналогичные тома «Очерков русской культуры» XVI и XVII вв. [57].

Несмотря на относительно небольшой период, отделяющий «Очерки русской культуры» от первых четырех томов «Истории русского искусства», в них дают о себе знать перемены, происшедшие за эти годы в жизни страны. Заметно ослабло идеологическое давление на авторов, что проявилось в стремлении их не только обогатить свои разделы новыми фактами и описаниями множества недавно найденных и реставрированных памятников, но и ввести в них сведения, позволяющие читателю хотя бы в самых общих чертах понять смысл произведений средневекового искусства. Эта тенденция утверждается и развивается в 1980–1990-е гг. в многочисленных монографиях и обобщающих трудах по истории русского искусства, написанных разными авторами [58]. Значительное место в них отводится рассмотрению проблемы взаимосвязей русского и византийского искусства, соотношения местных традиций с общестилистическими тенденциями, в разные периоды доминировавшими на территориях восточнохристианского мира.

Сегодня в обширной литературе, посвященной искусству Древней Руси, можно выделить несколько основных направлений исследований. Одно из них связано с вопросами истолкования памятников искусства в контексте средневекового миропонимания, чему в трудах последних лет уделяется все большее внимание. Появляются книги с характерными названиями: «Богословие иконы православной Церкви» [59], «Русская средневековая эстетика XI–XVII века» [60], «Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века» [61], в которых речь идет о том, как воплощались в произведениях разных видов искусства идеи отцов Церкви, христианских богословов и церковных писателей, творивших на протяжении семи столетий русской истории — с XI по XVII в. включительно [62].

Близкие по сути, но более конкретные задачи ставят перед собой ученые, изучающие влияние на формы и иконографию произведений искусства чина литургии, особенностей богослужебного устава конкретных храмов и монастырей, местных обычаев и традиций, требований, исходящих от заказчиков этих произведений. Данное направление, обогащенное трудами филологов, историков, археологов, искусствоведов, специалистов, изучающих литургику, явления и традиции, характерные именно для средневековой культуры, развивает традиции церковной археологии XIX — начала XX в. [63]

Продолжает интенсивно развиваться и обогащать методы анализа памятников и собственно иконография — еще одно традиционное направление в науке, занимающейся искусством средних веков. Заметно расширилась область ее интересов, сегодня они распространяются не только на изобразительное искусство, но и на архитектуру [64]. Многократно увеличилось количество письменных источников и памятников, на которых ученые основывают свои исследования. Помимо изучения традиционных изводов, в поле их внимания включаются вопросы, связанные с анализом условий и факторов, влияющих на сложение неповторимого индивидуального образа произведения искусства [65].

Нечто подобное наблюдается и в изучении музыкального искусства, где значительное внимание уделяется вопросам дешифровки певческих рукописей и реконструкции звучания древних мелодий [66].

Особое и исключительно важное место в деле изучения памятников средневековой живописи, архитектуры, прикладного искусства занимают реставрационные исследования, связанные с выявлением их оригинальной авторской материальной структуры, часто находящейся под покровом напластований позднейших, иногда многовековых, ремонтов и косметических правок. Эти исследования создают надежную основу для всех других видов исследований, среди которых по-прежнему главными остаются исследования стиля и образной структуры каждого произведения, составляющие сердцевину любой истории искусств [67].

Не остались неизменными и сами методы интерпретации образного строя произведений разных видов искусства, уточнились и обогатились представления ученых об этапах и направлениях развития стиля, различных местных традициях. Их изучение немислимо теперь без привлечения данных о параллельных или однотипных явлениях в искусстве разных регионов византийского мира. Исследования даже очень крупных явлений и периодов истории древнерусского искусства непременно основываются на тщательном многоплановом анализе конкретных памятников, сочетающем

методы искусствознания, археологии, истории, литературоведения и других гуманитарных дисциплин [68]. При этом равное внимание уделяется двум основным аспектам, определяющим восприятие неповторимого образа каждого произведения, — визуальному (звуковому в случае с музыкой) и вербальному (текстовому). Все это позволяет исследователям улавливать в них те интонации времени, особенности мышления людей, связанных с разными культурными традициями, которые не передают другие исторические свидетельства.

Сегодня наука накопила такое количество фактов и конкретных наблюдений, которые требуют проведения широкого сравнительного анализа, обобщения и рассмотрения полученных выводов на широком фоне истории, явлений культурной и духовной жизни средневековой Руси. Только такой анализ может показать, как со временем и в зависимости от сложившихся конкретных условий видоизменялось само художественное мышление мастеров, как по-разному воплощались ими в, казалось бы, строго канонических произведениях идеи и идеалы эпохи.

Представить читателю единую, полную и достаточно подробную картину развития разных видов древнерусского искусства — архитектуры, живописи, музыки и театра, — соответствующую уровню современных знаний, и является той целью, что определяет суть задач, стоящих перед авторами настоящего и последующих томов «Истории русского искусства», посвященных эпохе Средневековья.

* * *

Более чем тысячелетнюю историю Древней Руси принято членить на ряд периодов. В конце первого из них, длившегося, примерно, от VI в. до IX–X вв., возникает грандиозное государство восточных славян — Киевская Русь. Второй период, часто именуемый «домонгольским», начинается с правления князя Владимира Святославича и принятия Русью в 988 г. христианства как государственной религии, а его верхняя граница совпадает с серединой XIII в., временем нашествия на Русь монгольских орд. Памятники искусства названных двух древнейших периодов будут представлены в первых трех томах настоящего издания.

Следующие два тома посвящены эпохе зрелого Средневековья. Его хронологические границы простираются от второй половины XIII в. — начала монгольского ига на Руси — до середины XV в. Конец этой эпохи был ознаменован падением в 1453 г. Константинополя и гибелью Византии, а также окончанием феодальной войны за великое княжение и началом активного процесса формирования нового государства — Московской Руси. Наконец, последний период истории искусства

[63] См., например: *Белтинг*, 2002 (перевод книги известного немецкого византиноведа, историка и теоретика искусства: *Belling*, 1991); *Беляев Л.*, 1994; *Восточнохристианский храм*, 1994; *Сакральная топография средневекового города*, 1998; *Стерлигова*, 2000; *Мусин*, 2002; *Восточнохристианские реликвии*, 2003; *Чукова*, 2004.

[64] *Иконография архитектуры*, 1990.

[65] См.: *Чудотворная икона в Византии и Древней Руси*, 1996; *Этингоф*, 2000; *Смирнова*, 2007.

[66] *Беляев В.*, 1962; *Бражников*, 1984; *Бражников*, 2002; *Проблемы дешифровки древнерусских нотаций*, 1987.

[67] Этим проблемам посвящены многочисленные сборники статей и периодические издания, в том числе: *Художественное наследие*, 1975–2005. № 1 (31)–22; *Архитектурное наследие и реставрация*, 1984–1992. Сб. 1–4; *Реставрация и исследование памятников культуры*, 1975–2001. Вып. I–IV.

[68] Наиболее последовательное развитие это направление нашло в сборниках «Древнерусское искусство», которые с 1963 г. издает Отдел истории древнерусского искусства Государственного института искусствознания в Москве.

Древней Руси — эпоха позднего Средневековья — захватывает вторую половину XV, XVI и XVII вв.

Последовательность изложения материала и распределения его по томам в основных чертах соответствует такой периодизации. Вместе с тем содержание томов и членение их на разделы определено не только хронологией, но и рядом других факторов, в том числе, неравномерностью развития разных видов искусства — архитектуры, живописи, прикладного искусства, музыки и театра — на протяжении отдельных этапов истории. Не менее важен фактор разной сохранности памятников и исторических свидетельств, дошедших до нас от древнейших и более поздних эпох. Если от домонгольского времени сохранилось всего несколько десятков произведений живописи и архитектуры, а от XIV–XV вв. несколько сотен, то памятники искусства XVI и тем более XVII в. исчисляются уже тысячами. Эти обстоятельства, наряду с особенностями отдельных видов искусства, каждый из которых требует специфических методов подхода к нему, предопределяют степень изученности памятников, характер их интерпретации.

Важная особенность этого и ряда последующих томов «Истории русского искусства» заключена в том, что в силу определенных исторических условий, начиная с принятия в конце X в. христианства и вплоть до падения Византии в 1453 г., искусство Древней Руси развивалось в контексте духовной культуры, общей для всех православных стран, подчиняющейся единым закономерностям развития. Это обстоятельство накладывает особый отпечаток на принципы представления памятников, на то, что практически во всех разделах авторы уделяют заметное место рассмотрению близких стилистических аналогий — произведений византийских, грузинских, южнославянских мастеров. Согласно устоявшейся мировой научной традиции, к ним обычно прилагается определение «византийское искусство», отнюдь не указывающее на их национальную принадлежность, — в отличие от «искусства Византии», — но равнозначное таким понятиям истории мирового искусства, как «романика» и «готика», «барокко» и «классицизм» [69].

В соответствии с планом издания в данный том вошли разделы, посвященные искусству VI–IX вв. — эпохе, предшествовавшей образованию первого восточнославянского государства — Киевской Руси, а также градостроительству, архитектуре, монументальной пластике и живописи X — первой четверти XII в.

Верхняя хронологическая граница настоящего тома соответствует начавшемуся в первой четверти XII в. активному процессу сложения на огромной территории Киевской Руси относительно независимых удельных княжеств. Помимо хронологического принципа, на отбор материала, вошедшего в этот том, на

характер распределения его по главам и разделам оказывали влияния и другие факторы.

Далеко не всегда сохранность и особенно стиля произведений позволяют достаточно точно их датировать и соотносить с конкретными и относительно короткими периодами в развитии искусства. В первую очередь, это относится к разным видам музыкального и сценического искусства, к оборонному зодчеству и деревянной архитектуре, произведениям ювелирного искусства и мелкой пластики, шитья и искусства книги. Поэтому материал, связанный с каждым из названных видов искусства, приходится объединять в главы, хронологические границы которых охватывают весь домонгольский период — от X до середины XIII в. Эти главы будут представлены в третьем томе, завершающем рассмотрение истории искусства этого времени.

Как уже было сказано, настоящий том посвящен начальной поре истории русского искусства, в которой хорошо различаются несколько неравных по длительности, но исключительно важных и своеобразных периодов. При этом самый ранний, охватывающий несколько столетий, — примерно с VI до X в., — может быть, в свою очередь, разделен на два этапа. На протяжении первого из них, длившегося примерно до конца VIII — начала IX в., — происходит постепенное расселение на обширной территории Восточно-Европейской равнины различных славянских племен, которые вступают в тесные культурные контакты с племенами, издревле тут проживавшими. На фоне очень скурых и противоречивых сведений о славянах, сообщаемых византийскими, готскими и арабскими авторами VI–X вв. [70], а также почерпнутых из скандинавских саг [71], наиболее надежным источником суждений об особенностях их бытовой и духовной культуры являются памятники археологии, в том числе и произведения художественных ремесел.

На протяжении второго этапа, охватывающего IX–X вв., происходит сложение союза восточнославянских, балтских и угро-финских племен, создаются условия для возникновения на обширных территориях их обитания единого государства — Киевской Руси, формируются основы системы управления им. К самым значительным событиям этого времени относятся: приход в Старую Ладогу варягов во главе с Рюриком и установление ими контроля над всем путем «из варяг в греки»; превращение Киева при Олеге и Игоре в центр Русской земли, легитимизация власти над нею киевских князей в период правления Игоря, Ольги и Святослава; победа Святослава над могущественным соседом — Хазарией. Характеризуют эпоху не только материалы археологических раскопок, но и многочисленные письменные свидетельства — византийские [72], арабские [73], хазарские [74], западноевропейские [75], скандинавские [76] и собственно русские [77].

- [69] *Комеч*, 1987. С. 6.
[70] Свод древнейших письменных известий о славянах, 1991. Т. 1; Свод древнейших письменных известий о славянах, 1995. Т. 2; *Седов В.*, 2005.
[71] *Джаксон*, 1993; *Джаксон*, 2000.
[72] *Лев Диакон*, 1988.
[73] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939; *Калинина*, 1988.
[74] *Голб*, *Прицак*, 1997.
[75] Латиноязычные источники по истории Древней Руси, 1989; *Назаренко А.*, 2001.
[76] *Джаксон*, 1991. С. 5–169; *Джаксон*, 1993.
[77] Имеются в виду те документы, которыми располагал составитель «Повести временных лет», живший значительно позже — на рубеже XI–XII вв. (см.: *БЛДР*, 1997. Т. 1. С. 62–315).

Началом следующего периода стало принятие Русью в 988 г. христианства. Это событие дало мощный импульс цивилизационному процессу, связанному с формированием военно-административной и правовой системы, строительством городов и крепостей, возведением и украшением храмов, с распространением книжности, письменности на церковнославянском языке и одновременно освоением традиций классической средиземноморской культуры, заимствуемых при посредничестве Византии. По длительности он уступает каждому из двух этапов предшествующего периода и включает время княжений Владимира Святославича и Ярослава Мудрого (1018–1054), его верхняя граница проходит примерно по середине XI в., совпадая с годом смерти Ярослава. Но именно в эти десятилетия Киевская Русь превращается в одну из самых богатых и могущественных стран Европы, «еже ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли» [78], а Киев обретает облик истинно столичного города. Кульминацией искусства данного периода, стиль которого приобрел поистине имперскую масштабность и величие, стало строительство в Киеве Софийского собора и украшение его мозаиками и фресковой росписью.

Последний период истории русского искусства, рассматриваемый в данном томе, охватывает вторую половину XI — первую четверть XII в. и совпадает со временем правления сыновей и внуков Ярослава Мудрого. Многие из того, что можно наблюдать в искусстве этих десятилетий, определяют два процесса, напрямую друг с другом не связанные. С одной стороны, происходит интенсивное распространение христианства по всей территории Руси, вращение его в русскую почву и превращение из фактора заимствуемой культурной традиции в основополагающий фактор «своей культуры». Идеи, рожденные в Киеве, быстро перенимаются на местах, в крупнейших городах, которые сами начинают превращаться в важные центры культуры. С другой, — достаточно определенно начинают сказываться властные претензии князей из «дома Рюриковичей», стремление их обрести независимость, стать полновластными владельцами своих «отчин» и превратить их в удельные княжества.

Верхнюю границу этого периода можно условно соотнести с 1125 г. — годом смерти великого киевского князя Владимира Мономаха, чьей властью и авторитетом во многом еще удерживалось представление о Киевской Руси как едином государстве. Правление его преемников на киевском престоле ускорило и с ясностью показало необратимость начавшегося еще во второй половине XI столетия процесса дробления Русской земли на удельные княжества, формирования на их территориях самостоятельных государств.

Состав и характер произведений искусства, относящихся к этим периодам, различны. Первый представлен в основном объектами, найденными археологами в раннеславянских селищах и городищах, — остатками жилищ, хозяйственных построек и укреплений, предметами быта и погребального инвентаря, хозяйственного инвентаря, инструментами ремесленников, украшениями. Преобладают изделия из металла (бронзы, железа, иногда и серебра) и глины (лепная керамика). И при этом полностью отсутствуют следы монументальных сооружений, произведений каменной пластики, живописи, нет практически ничего, что бы давало представление о развитии музыки, ритуалов, связанных с коллективными действиями — культом, мистериями, танцами. Суждение о ранних формах искусства музыки и танца ученым приходится делать в основном на основании исследований традиционных, но достаточно поздних (XVIII–XX вв.) произведений народного творчества.

Основную часть памятников искусства, относящихся к IX–X вв., по-прежнему составляют археологические находки, но заметно увеличивается число и качество произведений ювелирного дела, чаще встречается богато украшенное оружие. Кроме того, появляются монументальные сооружения в виде величественных насыпных курганов, укрепленных линий обороны — «змиевых валов», деревянных и каменных крепостей [79], определенным образом оформленные места совершения культовых действий [80], а также каменные и деревянные изваяния языческих богов.

В отличие от двух этапов первого периода последующие периоды отмечены подъемом практически всех видов творчества — каменного и деревянного зодчества (церковного, светского и оборонного), каменной пластики, монументальной живописи и иконописи, книжной миниатюры и орнаментики, ювелирных ремесел, стеклоделия, литья, шитья, тиснения по коже, резьбы по металлу, камню, дереву и кости. Впервые мы находим ясные свидетельства об искусстве музыки, выступлениях профессиональных актеров, так называемых скоморохов — ряженых, мимов, циркачей и проч. Но, конечно, уровень наших знаний об этих периодах истории и каждом из перечисленных видов искусства, как уже и было отмечено, заметно разнится.

Каждый исследователь, обращающийся к истории Руси–России, не может не задаться вопросом, волновавшим еще составителя древнейшей русской летописи — «Повести временных лет»: «откуда есть пошла Русская земля». Он остается актуальным и для историков искусства. Мы начинаем историю русского искусства с эпохи образования восточнославянской этнической общности, отразившейся в единстве языка, формах быта, организации повседневной социальной жизни, в понимании

[78] Слово о законе и благодати, 1997. С. 44.

[79] Раппопорт, 1956.

[80] Русанова, Тимошук, 1990.

устройства мира — зримого и незримого — и принципов регулирования отношений с ним, а также фундаментальных вопросов бытия — рождения и смерти человека, его места в природе, семье, роде, племени.

Необходимо сразу сказать, что для характеристики самой ранней поры этой истории, хронологические границы которой не могут быть точно определены, но обычно локализуемой в пределах VI–VIII вв., не хватает не только документальных свидетельств, но и самих объектов исследования, в полной мере соответствующих современным представлениям о произведениях искусства. Чаще всего ученые, занимающиеся этим временем, имеют дело не с отдельными высококлассными изделиями художественных ремесел, а с археологическими комплексами, включающими предметы повседневного быта и хозяйственной деятельности семейных общин, и потому вынуждены прибегать к чисто источниковедческим способам сравнительного анализа и описания всех сохранившихся артефактов — построек, предметов домашнего обихода, погребального инвентаря, украшений, объектов культа.

Следует отметить, что одним из существеннейших факторов, определявших особенности культуры эпохи активного расселения славянских племен на Восточно-Европейской равнине в VI–VIII вв., было сосуществование их на одной территории с другими этническими группами. Вместе со славянами «участниками этногенетических процессов... были ирано- и тюркоязычные племена в южном и юго-западном регионах, западные славяне, балты и финны — в западном и северо-западном, финно-угры в северном и северо-восточном» [81].

Несмотря на близость материальной культуры восточнославянских племен, на территориях их расселения археологи обнаруживают артефакты, особенности которых позволяют определять, с какой из этнических групп они связаны. Особенности эти дают о себе знать в характере погребений, формах сосудов, украшениях, таких, например, как височные кольца [82]. Разные археологические культуры соотносятся учеными с протославянскими и раннеславянскими племенами, а также с иными этническими группами, проживавшими по соседству с ними [83]. Так, принимая во внимание сведения готского историка VI в. Иордана, они отождествляют культуру, получившую наименование пражско-корчакской, с племенем склавен, или славен, обитавших между озером Балатон на юге, Вислой на севере и Днестром на востоке, а пражско-пеньковскую — с антами [84]. Последние заселяли территорию между Днестром и Днепром, с юга граничившую с излучиной Понтийского (Черного) моря, а если верить сообщениям византийского писателя середины VI в. Прокония Кессарийского, то достигавшую даже

«Меотийского озера (Азовского моря) и Дуная» [85]. Археология определенно свидетельствует, что «в V–VII вв. анты были отдельной этноплеменной группировкой славянства, сформировавшейся в III–IV вв. в составе черняховской культуры в условиях взаимодействия славян с ирано-язычным населением» [86].

Для понимания этнокультурных процессов, происходивших в VI–VIII вв. на огромных территориях Восточно-Европейской равнины, существенное значение имеют исследования памятников колочинской, мощинской, волынецкой и других археологических культур, связанных с племенами, населявшими левобережье Днепра, южные районы Псковщины, Полоцко-Витебскую часть бассейна Западной Двины, верхнюю Оку, вплоть до впадения в нее Протвы [87]. В третьей четверти I тыс. н.э. не все они еще были славянскими, и лишь спустя некоторое время в процессе «внутрирегионального взаимодействия вошли в состав восточнославянских племенных союзов» [88].

На раннем этапе истории «внутрирегиональное взаимодействие» этнических групп, осуществлялось, скорее всего, путем создания временных союзов для отражения общих врагов, обмена продуктами земледелия, изделиями ремесленников, чьи мастерские были расположены в наиболее крупных племенных центрах. Таким торгово-ремесленным центром являлось, например, Пастырское городище на юге Украины. Данные археологии говорят, что население его было разноплеменным [89]. Столь же значительными центрами кузнечного и ювелирного дела были Добриновское городище VIII в. в бассейне Пруто-Днестровского междуречья [90] и большое укрепленное городище Зимно VI–VII вв. на территории западной Волыни [91]. Предметы, изготовленные в таких центрах, зачастую находят очень далеко от них [92].

Многие племена, населявшие территории, вошедшие несколькими веками позже в состав Киевской Руси, принимали участие в транзитной торговле мехами, медом и другими товарами. О «бесчисленных племенах», вовлеченных благодаря посредничеству «шведов» в торговлю мехами, упоминает в своей книге «Гетика» Иордан. По его словам, через них «темные меха, отливающие синевой» пересылались посредством торговли «на потребление римлян» [93]. В VIII–IX вв. к мехам добавляются невольники, а также серебро, идущее из Арабского халифата, высоко ценившееся на Востоке оружие, изготовлявшееся франкскими мастерами [94].

Поскольку главные пути транзитной торговли народов европейского Севера и Запада с Византией, Ираном и Арабским халифатом проходили по водным артериям, соединявшим бассейны Балтийского, Каспийского и Черного морей — Волге, Дону, Днепру, Западной Двине, — в нее были вовлечены множество

- [81] Толочко, 2005. С. 80.
[82] Одним из первых обратил на это внимание А.А. Спицын (см.: *Спицын*, 1899. Т. VIII. С. 326–327; *Седов В.*, 1982; *Шинаков*, 1980. С. 110–127).
[83] П.П. Толочко, ссылаясь на исследования антропологов, в частности на книгу Т.И. Алексеевой (*Алексеева*, 1973. С. 67), пишет: «Антропологи выделяют для древнерусского населения территории Украины четыре морфологических варианта, что свидетельствует о сложных этногенетических процессах, в которых участвовали как славянские, так и неславянские народы» (*Толочко*, 2005. С. 22).
[84] *Седов В.*, 1982. С. 18, 28.
[85] *Проконий Кессарийский*, 1950. С. 384 (см. также: *Свод древнейших письменных известий о славянах*, 1991. Т. 1. С. 98–399).
[86] Он же, ссылаясь на свидетельство византийского историка Феофилакта Симокатты, обращает внимание на то, что последнее по времени упоминание антов относится к самому началу VII в. Имеется в виду сообщение о посылке в 602 г. каганом авар войска для подавления антов, «которые были союзниками ромеев» (*Феофилакт Симокатта*, 1957. С. 180; *Седов В.*, 1982. С. 18).
[87] *Седов В.*, 1982. С. 44.
[88] Там же. С. 29.
[89] Там же. С. 24.
[90] *Тимошук*, 1976. С. 109–113, 152–154.
[91] *Аулих*, 1972. С. 56–77.
[92] *Седов В.*, 1982. Карта 5 на с. 23.
[93] *Иордан*, 1997. С. 65. Ст. 22.
[94] *Стальсберг*, 1991. С. 75.

племен и народов, живших по их берегам, что способствовало их консолидации. Основными посредниками в этой торговле выступали арабские купцы и скандинавские вооруженные дружины, занимавшиеся одновременно грабежами. Торговля и вооруженные набеги варягов во второй половине VIII–X в. создали условия, необходимые для возникновения государственности на территории расселения восточнославянских племен. Но при этом сам переход их от стадии достаточно обособленного существования к стадии слияния в единую народность отставал по времени от процесса образования государства.

«Государственность распространялась по Восточной Европе быстрее, сложение народности — медленнее» [95], что во многом определяло многие существенные черты рассматриваемого периода. Историки пишут об этом так: «Есть все основания полагать, что на первом этапе истории Руси именно государство обеспечило этническому развитию восточных славян высокий уровень общности — территориальной, социальной, культурной, языковой» [96]. И статус культуры, формируемой государством, изначально был выше статуса традиций, связанных с культурами отдельных восточнославянских и финно-угорских племен, населявших территорию Киевской Руси.

У этнических групп, вступающих в межплеменные союзы и при этом еще долго сохранявших на уровне бытовой культуры неповторимые «родовые» приметы, отсутствовали претензии на подчеркивание своей особенности. Более того, еще задолго до появления первых институтов государственности и осознания своего этнополитического единства, они признавали землю, на которой проживали, общим достоянием разных племен. В 862 г., когда, согласно рассказу «Повести временных лет», представители разных племен — чуди, словен, кривичей и веси — приглашают на княжение варягов, то говорят им: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володеть нами» (курсив мой. — Л.Л.) [97]. Еще больше племен участвуют вместе с варягами в походе на Смоленск и Киев, предпринятом Олегом в 882 г.: «Поиде Ол[е]г, поем вой свои многи: варяг, чюдь, словены, мерю, весь, кривичи» [98].

Новая волна переселения славянских племен опережает приход варяжских дружин. Русская летопись начинает регулярно вспоминать их с 859 г.: «Имаху дань Варязи из заморья на Чюди и на Словенех, на Мери, и на всех Кривечех» [99]. Затем под 862 г. сообщается об изгнании варягов за море [100] и далее, под тем же годом, — о приглашении варягов «княжить и володети» землями, где перечисленные племена проживали [101]. Но археологические находки в Старой Ладоге позволяют утверждать, что первое крупное поселение норманнов на территории будущей Руси появилось как минимум столетием ранее [102].

Являвшаяся форпостом варягов на пути «в Греки», Ладога становится и крупным ремесленным центром, где производятся украшения из металлов, стеклянные бусы и другие ценящиеся купцами предметы [103]. Морские и речные дороги связывали ее не только с Византией, но и с европейским Западом, и с арабским Востоком. С приходом Рюрика, она превращается в центр возникающей государственности [104]. Норманны прокладывали торговые пути и вместе с тем создавали инфраструктуру, обеспечивавшую относительную безопасность торговых караванов. В VIII–X вв. такие поселения, связанные с Ладогой, появляются как на Волхово-Днепровском, так и на Волхово-Волжском пути. Это Городище, неподалеку от которого чуть позже возникает Новгород, Новоселки и Гнёздово на Днепре близ Смоленска, Тимерево недалеко от Ярославля, Шестовицы под Черниговом. Именно эти купцово-воины дали мощный импульс для образования конфедерации крупных племен [105], ставшей основой, на которой сформировалось восточнославянское государство — Киевская Русь.

В IX в. варяги еще не контролировали весь путь, ведущий к Каспийскому и Черному морям. В среднем и нижнем течении Днепра, на Волге, Оке и на Дону эта прерогатива принадлежала хазарам и волжским болгарам, которым скандинавы вынуждены были платить большие торговые пошлины. Постепенно интересы торговли все прочнее связываются с политическими планами. Поворотным моментом стал 882 г., когда дружины варягов и союзных им ильменских словен, кривичей и чуди, возглавляемые Олегом, захватили Киев, находившийся до того в сфере влияния Хазарского каганата. Устанавливая власть на завоеванных территориях, варяги заимствуют механизмы взаимоотношений, которые существовали до того у славянских племен с хазарами. Согласно «Повести временных лет», Олег, завоевав в 884 г. северян, «возложи на них дань легку, и не дасть им козарам дани даяти». Тот же порядок устанавливается и с племенем радимичей, которые «вдаша Олгови по шелягу (т.е. серебряной монете), якоже и козарам даяху» [106].

К важнейшим особенностям рассматриваемого периода следует отнести существование наряду с «почвенными» этнокультурными традициями элитарного слоя культуры, связанного с княжеско-дружинной средой. Представление о нем дают вещевые комплексы, обнаруживаемые в погребальных курганах князей и дружинников, и даже сама форма этих сооружений [107].

Так, в Гнёздове — одном из крупнейших поселений Волхово-Днепровского пути, часть населения которого составляли дружинники-скандинавы, сохранилось несколько сотен курганных захоронений [108], из них скандинавских — немногим более 5% [109]. Курганы

[95] Толочко, 2005. С. 24.

[96] Там же С. 25.

[97] ПВЛ, 1950. С. 18.

БЛДР, 1997. Т. 1. С. 74.

[98] БЛДР, 1997. Т. 1.

С. 76.

[99] ПСРЛ, 1997. Т. 1.

Стб. 19.

[100] Там же.

[101] Там же. Стб. 20.

[102] Дендрохронологическое исследование бревен на древнейшем горизонте построек позволило зафиксировать дату их рубки — 753 г. (см.: Киртичников, 2003. С. 36).

[103] В этот период Ладога — чисто скандинавское поселение, без предметов финно-угорского происхождения (см.: Давидан, 1986. С. 101–103).

[104] Мачинский, 2003.

С. 11–35.

[105] «Племена "Повести временных лет" — это не небольшие племенные коллективы, а крупные объединения, союзы племен, занимавшие значительные территории» (Толочко, 2005. С. 66).

[106] ПВЛ, 1950. Т. 1.

С. 20.

[107] Петрухин, 1976.

Вып. 21. С. 153–170.

[108] К настоящему времени в Гнёздове исследованы более 1100 курганов во всех частях могильника и около 6000 кв. м на поселении (см.: Пушкина, 1996. С. 21).

[109] По подсчетам Д.А. Авдусина, только 50 из 950 курганов в Гнёздове — скандинавские (см.: Авдусин, 1972. С. 161–163; а также: Алешковский, 1960. С. 70–90).

викингов заметно больше по величине, имеют вымостки из камней, характеризуются особым погребальным ритуалом — сожжение в ладье, кости жертвенного быка и т.д. — и богатым инвентарем, непременно включавшим оружие, железные гривны, надевавшиеся на плечики урны с прахом, ожерелья из разноцветных стеклянных бусин и высокоценные ювелирные изделия [110]. Украшения, привезенные из Скандинавии или созданные скандинавскими мастерами, работавшими в Ладоге, Гнёздове, Сарском городище на озере Неро, близ Ростова, в других поселениях викингов, отличаются от аналогичных предметов, традиционных для славян, балтов, финно-угров, формами, орнаментальными мотивами, совершенством мастерства, разнообразием и сложностью технических приемов, использовавшихся при их изготовлении — это тиснение, скань, зернь, золочение. Такие предметы указывали не только на богатство, силу и знатность их владельцев, они должны были выделять элитарную часть общества, отличать ее даже от племенной верхушки. Это были именно те, кто собирал дань с племен — «людей» — в пользу верховного сюзерена. Начиная с эпохи Олега-Игоря им становится киевский князь [111].

О привилегированном положении скандинавской части дружин князей — «руси», о значении и особенностях принадлежавшего им военного снаряжения, одежд, предметов повседневного быта, говорят и летописные свидетельства. Так, в рассказе о договоре Олега с греками 907 г. сообщается о том, что варягам, участвовавшим в походе на Царьград, греки выдали драгоценные ткани («паволоки»), изготовлявшиеся в императорских мастерских, а славянам — «кропийнныя», т.е. шелковые. И «въспяша [подняла] Русь парусы паволочитые, а словене кропийнныя, и раздра и ветр», после чего пришлось заменять их на «толстины» — простые, грубые холсты. «И приде Олег к Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи (фрукты), и вина, и всяко узорочье» [112]. Судя по тому, как летописец под 945 г. описывает недовольство дружинников князя Игоря своим снаряжением, они привыкли носить дорогие одежды и дорогое оружие, соответствующие их положению: «Ркоша (сказала) дружина Игореву: "отроци Свенделжи" (Свенельда) изоделеса суть оружьем и порты [одежды], а мы назии» [113]. Здесь глагол «изодетися» означает, не просто облечься во что-то, но «нарядиться» [114], украсить. Другими словами, речь идет не просто об оружии, но об оружии парадном, церемониальном, вроде того, что было найдено в Гнёздове и в курганах Гульбище и Черная могила в Чернигове [115].

На высокое социальное положение, принадлежность к дружинной среде указывали также изделия византийских и хазарских мастеров. Границы формирующегося IX–X вв.

Киевского государства соприкасались с хазарскими крепостями по Верхнему Дону и Северскому Донцу, в славянских поселениях археологи часто находят предметы, относящиеся к «салтово-маяцкой» культуре, иранской в своей основе, в том числе оружие — сабли и боевые топоры [116].

Сколь значимыми были изделия византийских мастеров для знати варварских племен, аваров, болгар и других, обитавших в период раннего Средневековья в Восточной Европе, показывает знаменитый Перещепинский клад первой половины — середины VII в., найденный близ Полтавы [117]. В его составе помимо многочисленных золотых украшений находились и великолепные серебряные сосуды V–VI вв., сделанные в Константинополе [118]. Летописи содержат сведения о постоянных контактах с греками первых русских князей. В договоре Олега с императором Львом 911 г. говорится о драгоценных тканях («паволоках» и «фофудьях»), золотых изделиях, которыми были «почтены» русские послы [119]. В 944 г. князь Игорь, заключив мир с греками, берет с них «злато и паволоки на вси вои» [120]. Княгиня Ольга, возможно, даже дважды посетившая Константинополь — в 946 г. и в 955 или 957 г. [121], — получила в дар от императора Константина много золота, серебра, тканей и различных сосудов [122].

Картина этой элитарной культуры, отчетливо отделяющейся от традиционных этнокультур, была бы неполной без упоминания христианского компонента, в IX–X вв. в ней уже присутствовавшего. Как следует из договора Руси 944 г. с греками, среди послов князя Игоря, подписавших условия мирных отношений между Киевом и Константинополем, были варяги и хазары, принявшие христианство. Соблюдать их они клялись перед крестом в соборной церкви (Св. Софии?), а затем по возвращении в Киев вместе с греческими послами, еще раз, в церкви Св. Ильи (?), по преданию, стоявшей «над ручьем» на краю места, которое летописец именуется «Пасынчая беседа». Он разъясняет также, что церковь эта была соборной — «мнози бо беша варязи хрестьяни» [123]. Крещение, как известно, приняла и княгиня Ольга, то ли в Киеве, то ли в Константинополе.

Сосуществование двух пластов культуры, до поры до времени не смешивавшихся друг с другом, в середине — второй половине X в., по мере увеличения богатства и власти племенных вождей, притока бояр и «отроков» из числа славян в ближайшее окружение князя, начало приобретать конфликтный характер и требовало разрешения. Результатом одного из таких конфликтов стала гибель князя Игоря при сборе «полюдья» у древлян, князь которых Мал претендовал на занятие киевского княжеского стола [124]. Необходимо было найти язык общения, тот «культурный текст»,

[110] Петренко, 1994.

[111] «Если вспомнить термин "полюдье" — сбор дани, то можно предположить, что люди — те, кто вынужден был платить дань, а "русь" — те, кто дань собирал. Среди сборщиков дани было много варягов-дружинников, поэтому социальный термин, видимо, был переведен и на этническое название скандинавов-германцев» (Ковалев, 1982. С. 57).

[112] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 84.

[113] Там же. С. 104.

[114] Срезневский, 1958. Т. 1. Стб. 1075.

[115] Кирпичников, 1966; Кирпичников, 1973.

[116] Плетнева, 1989; Плетнева, 2000; Винников, 1990. С. 124–137.

[117] Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фоякова, 1997.

[118] Большой материал по данной теме собран в кн.: Станислов, 2006.

[119] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 90.

[120] Там же. С. 96.

[121] Оболенский, 1985. С. 36–47; Литаврин, 1986. С. 49–57; Назаренко, 1989. С. 63–83.

[122] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 110.

[123] Там же. С. 102, 104.

[124] Там же. С. 104.

который мог бы быть признан своим многочисленными этническими и социальными группами, обитавшими на землях, ставших в X в. территорией Киевской Руси. Попытки князя Святослава, разгромившего Хазарию, заметно расширившего подвластные Киеву территории, сохранить прежнее положение, отказавшегося, в отличие от своей матери Ольги, принять христианство [125], лишь усугубляли ситуацию. У разных племен, подчинившихся центральной киевской власти, были свои верования и свои боги. Государство оставалось подобием межплеменной конфедерации, из которой в любой момент могли выпасть те или иные ее части. Так было, в частности, с недавними союзниками Святослава — печенегами, усилившимися после падения Хазарского каганата [126]. Именно от их рук Святослав погиб в 972 г.

Одним из самых очевидных путей решения проблемы было установление единой государственной религии. Так и поступает князь Владимир Святославич сразу после победы в 970-х гг. над полоцким князем Рогвольдом и главным оппонентом в борьбе за власть — сводным братом Ярополком [127].

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в святилище, устроенном князем в Киеве на холме за оградой «двора теремного» [128], были собраны идолы божеств, культ которых восходил к разным истокам — славяно-балтским (Перун, Мокошь), иранским (Симаргл-Сенмурв и солнечное божество Хорс), собственно славянским (Дажьбог, Стрибог). Отметим они и то, что функции некоторых из них дублируются — таковы солнечные божества Хорс и Дажьбог [129]. Это подтверждает предположение о стремлении князя удовлетворить запросы представителей всех этносов, входивших в его дружину. Не исключено и то, что и сам «пантеон» имел «придворный» характер. На это, возможно, указывает отсутствие в его составе изображения такого чтимого славянского божества как Волос-Велес. По предположению В.Н. Топорова, его изваяние могло стоять внизу, на киевском Подоле — торгово-ремесленной части города [130].

Очевидная неудача устроения языческого пантеона, просуществовавшего всего лишь восемь лет, объясняется несколькими причинами. Прежде всего, это был опыт искусственного построения государственной религии, основанной на идеологической концепции, а не на космологии — целостном мифолого-поэтическом осознании картины мира, которое могло бы связать воедино божества, собранные на киевском холме. Верховные боги составляли группу, но не сообщество, связанное семейными узами и иерархическими отношениями, а также распределением «зон ответственности», что является основой любой мифологической системы.

Этим же, возможно, объясняется крайняя обобщенность пластической формы, недиф-

ференцированность индивидуальных признаков изваяний, чей облик летописец не сумел внятно описать. Известно только, что Перун был деревянный с серебряной головой и золотыми усами [131]. Такими же «стертыми» чертами обладают лики богов на знаменитом Збручском идоле X в., хранящемся в Краковском музее. К тому же для повседневной духовной жизни большей части этносов, населявших территорию Киевской Руси, актуальное значение имели образы божеств «низшего порядка», верования анимистического характера — в души предков («Род» и «рожаница»), духов, оберегающих жилища и места проживания рода, а также демонов болезней и т.д. [132]

И, наконец, может быть, самое главное, — привязанность язычества к локальным родоплеменным и семейным культам, отсутствие в нем начала, обращенного к каждой личности, того, что мы называем «учением», не позволяли ему создать единое духовное пространство государства, связать людей общностью идеалов, способствуя, таким образом, соединению разных этносов в единую народность.

Этим требованиям отвечали только монотеистические религии-учения, основанные на сводах духовных текстов, а потому неразрывно связанные с письменностью, книгой — иудаизм, христианство и ислам. Неслучайно в «Повести временных лет» столь значительное место было уделено вопросу выбора веры, описанию проповедей представителей разных религий, в том числе и «немцев» от папы Римского, обращавшихся с ними к князю Владимиру. Нет сомнения, что при этом он опирался на надежные свидетельства. Во всяком случае, он повторяет многие из тех мыслей, что за столетия до него высказывал митрополит Иларион в знаменитом «Слове о законе и благодати» [133].

На фоне весьма кратких характеристик речей иудеев, мусульман, латинян летописец выделяет обширную проповедь, произнесенную православным миссионером-греком, которого именует «философом». В ней, помимо изложения основных догматов христианства, настойчиво проводится мысль об особой миссии новых народов, призванных ко Христу. Она повторяется во множестве цитат из пророков и Псалтири, вложенных в уста проповедника: Бог, разгневавшийся на отступивший от него Израиль, посылает своих пророков, чтобы взамен ему призвать «иные народы»; «Дом мой Дом молитвы прозовется по всем языком» (т.е. народам); «Узрять вси конци земли спасение Бога нашего» (курсив мой. — Л.Л.); «Хвалие Господа вси языци, похвалите его вси людье», т.е. не только иудеи, и т.д. [134]

Обращает на себя внимание особое акцентирование множественного числа — «народы», «все языки», «все люди», — целенаправленно внушающее мысль о том, что христианская вера способна захватить в орбиту своего

[125] «Онъ же не внимае того, глаголя "Како азъ хочу инъ законъ одинъ язъ приняти? А дружина моя сему смеяти начнут"».

(Там же. С. 112)

[126] Арабский автор X в. Ибн-Хаукаль называл печенегов «шипом» русских, т.е. их ударной военной силой (см.: Сахаров, 1982. С. 164).

[127] Обзор событий см. в кн.: Назаренко А., 2001. С. 371.

[128] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 126.

[129] Топоров, 1996. С. 166.

[130] Там же. С. 168.

[131] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 126.

[132] Левкиевская, 1996. С. 175–195.

[133] Документальное подтверждение находит и сообщение о немецких послах, присланных ко Владимиру. Об этом см. главу «Летописное предание об испытании вер князем Владимиром...» в кн.: Назаренко А., 2001. С. 391–434.

[134] БЛДР, 1997. Т. 1.

С. 148.

притяжения огромные пространства и самые разные народы. Для внутренних нужд и внешнеполитических амбиций молодого и быстро набирающего силу государства это был весьма существенный довод, тем более, что практически все ближайшие соседи, в том числе и славянские страны, уже приняли крещение — Болгарское царство в 866 г., Чехия и Моравия в середине — второй половине IX в., Польша в 966 г.

Владимир, принимая в 988 г. христианство из рук императора Византии, самого могущественного и богатого государства в тогдешнем мире, и приводя к крещению подвластный ему народ, решал сразу несколько глобальных проблем. Русь как равная вступала в семью европейских народов и государств, принявших христианство ранее нее. Легитимность власти киевского князя как будто освящалась свыше, она обретала ореол избранничества.

Христианство, благодаря принесенной на Русь письменности на греческом и славянском языках, открывало доступ к неисчерпаемым богатствам культуры Византии, а через нее — Рима и классической Греции. Радостное чувство приобщенности к этому духовному богатству, утверждения своего единства с остальным славянским миром хорошо ощутимо в словах летописца, рассказывающего о просветительской деятельности Кирилла и Мефодия в Паннонии: «И ради беша словене, яко слышаша величья Божия своим языком». Далее он добавляет, что славянский народ и русский един — «от варяг бо прозвашася Русью, а первее (первоначально) беша словене» [135]. Еще князь Святослав Игоревич, отец Владимира, прямо заявлял о своих имперских претензиях. Захватив в 967–968 гг. у болгар территории по Дунаю, он объявил своей матери Ольге и боярам: «Не любо ми есть в Киеве житии, хощю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда (т.е. центр) земли моей» [136].

К концу X в. ситуация в мире сильно изменилась. Волхово-Днепровская речная система утратила прежнее значение как выгодный транзитный торговый путь «из варяг в греки». Она превратилась в важнейшую внутригосударственную структурообразующую ось с двумя главными центрами — Киевом и Новгородом. Военное могущество Византии, достигшее апогея в период правления императора Василия II, занявшего престол в 976 г., наряду с необходимостью решать внутривосточные задачи — создавать аппарат управления в центре и на местах, противостоять воинственным соседям, строить крепости и организовывать их оборону, развивать ремесла и торговлю — делали бессмысленной ставку на продолжение грабительских военных рейдов в богатые придунайские земли.

Владимир укрепляет союзные отношения с Болгарией и Византией и одновременно стремится установить границы с северо-западными,

западными и юго-западными соседями — формирующимися в то же время скандинавскими государствами, Польшей, Чехией, Венгрией. Венцом его политических успехов стало участие в 988 г., по просьбе императора Василия II, в подавлении восстания Варды Фоки [137], что совпадает по времени с захватом русскими войсками Корсуни (Херсонеса) в Крыму. И не важно, была ли захвачена Корсунь до или после высылки войска для поддержки операции византийского императора, Владимир воспользовался ситуацией, чтобы установить прочные и выгодные для Руси отношения с Константинополем [138]. Результатом описанных событий стал брак Владимира с византийской принцессой Анной, сестрой Василия II. Они венчались, согласно версии «Повести временных лет», в Корсуни [139].

Принятие Русью христианства было, конечно, актом политическим, а не результатом длительного развития общественного сознания, хотя, как уже отмечалось, и до 988 г. христиане были в среде варягов-дружинников, а княгиня Ольга еще в 950-е гг. вынашивала планы крещения своих подданных [140]. Тем не менее крещение стало поворотным моментом в истории Руси, приведшим к коренным изменениям почти во всех сферах жизни. Описывая их, историки уделяют особое внимание вопросам политики и экономики, под этим же углом зрения рассматривая и проблемы веры и Церкви, связывая их в первую очередь с крещением и просвещением населения, на что потребовались годы и десятилетия. Но ими не всегда осознается тот факт, что принятие христианства означало утверждение на Руси духовной культуры как сферы, связанной не только с политическими амбициями или практическими вопросами организации церковной иерархии и самого богослужения, но с утверждением приоритета нравственных ценностей.

Замечательно, что критерием истинности, которым руководствовались представители князя Владимира, посланные, согласно летописному преданию, «выбирать веру», была «красота». Они не нашли ее ни у мусульман, ни у «немцев», и только увиденное и услышанное в Константинополе настолько поразило их воображение, что им пришлось признать: «не свемы (не знали), на небеси ли есмы были, или на земле: несть бо на земли такого вида или красоты такая, недоумеем бо (не знаем как) сказати. Токмо то вемы (знаем только то), яко онъде (там) Бог с человека пребывает» [141]. Последние слова звучат как духовное кредо, актуальность которого не утрачивается на всем протяжении развития искусства Руси эпохи Средних веков. Современники и потомки Владимира, «основываясь на постулате "крещение есть спасение", получили картину мира, лишенную противоречий» [142]. Христианство «принесло с собою «надежду»,

[135] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 80.

[136] Там же. С. 116.

[137] *Ропре*, 1976. P. 240–242.

[138] *Ibid.* См. также: *Попне*, 1978. С. 45–58.

[139] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 156.

[140] Осенью 959 г. княгиня Ольга установила контакт с Оттоном I, королем германских земель, и попросила его «назначить епископов и священников для... [ее] народа» (*Назаренко А.*, 1998. С. 24; *Назаренко А.*, 2001. С. 263–272). Существует также заслуживающее доверия мнение ряда ученых, считающих, что крещение принял незадолго до своей гибели в 978 г. брат Владимира Ярополк (см.: *Назаренко А.*, 2001. С. 371–390).

[141] Там же. С. 154.

[142] *Панченко*, 2000. С. 330.

«упование», т.е. культурный оптимизм, который стал мощным цивилизационным импульсом» [143]. Действительно, в Софийском соборе Константинополя фундаментальная мысль христианства о мудрости Творца, устрояющего мир, заботящегося о благе людей получила столь внятное и столь безусловное раскрытие, что не могла не увлечь неискушенных в богословии русских послов. Красота и есть то божественное начало, которое дает о себе знать, просвечивая в истинно совершенных творениях, созданных человеческим разумом и человеческими руками. Этим объясняется, в частности, «радостный и светлый» характер искусства домонгольской поры.

Из рук Византии, переживавшей в X в. один из высочайших подъемов своей художественной культуры, вошедший в историю как «македонский ренессанс», Русь получила не только православную веру. Вместе с ней она наследовала и целый корпус разнообразной христианской литературы, от текстов Священного писания и богослужебных книг, переведенных на славянский язык еще в IX в. Кириллом-Константином и Мефодием и их учениками, трудов отцов Церкви, крупнейших богословов и проповедников, до сборников житий святых, нравоучительных («душеполезных») текстов и даже натурфилософских и исторических сочинений, таких как «Иудейская война» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия, «Христианская топография» Космы Индикоплова, «Хроники» Иоанна Малалы и Георгия Амартола. Русские люди получают возможность ознакомиться с начатками современных научных знаний, основами юриспруденции, освоить опыт высокоразвитого зодчества, живописи, музыкального искусства и разнообразных художественных ремесел, связанных со сложными технологиями производства строительных материалов, стекла, мозаик, эмалей, ювелирных изделий и т.д.

Принятие христианства повлекло за собой не только изменение образа мыслей людей, расширение круга понятий, представлений о мире земном и небесном, но и постепенное видоизменение самой среды обитания населения Руси — она становится более обжитой и возделанной. Появляется множество новых социальных слоев и групп, жизнь которых подчиняется особому ритуалу, наполняется новыми смыслами и символами. Наиболее ярко это проявляется в сфере религиозной. Начинается строительство храмов — Владимир «повеле рубити церквы [144] и поставляти по местомъ, идеже стояше кумиры» [145], — в каждом из них должны были быть богослужебные книги, утварь, иконы. Складывается и целый новый класс людей, — духовенство, клир, — направляющих духовную жизнь человека, организующих ее пространство. О них летописец упоминает в связи с крещением князя Владимира: «Поим [из Корсуни]...

Настаса и попы корсунския, мощи святаго Климента [146] и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себе...И нача ставити по градом церквы и попы, и люди на крещение приводити по всем градом и селомъ» [147]. Вместе с крещением происходит и образование, обучение грамоте детей «нарочитой чади» — представителей боярства и княжеского окружения: «И, пославъ [Владимир], нача поимати у нарочитой чади дети, и даяти на учение книжное» [148].

Православие, насаждаемое сверху, величественный и великолепный византийский богослужебный чин, отдельные формы византийского придворного ритуала, перенимаемые в великокняжеском быту, первоначально сочетаются с атрибутами прежней элитарной культуры, в которой преобладали скандинавские и хазарские традиции, но постепенно начинают их вытеснять и замещать. Княжеско-дружинная среда воспринимает такое изменение практически безболезненно, если не считать слез матерей, еще не утвердившихся в вере («аще бо ся бяху не утвердиле верою») [149], и потому не хотевших отдавать своих детей в обучение книжное. Столь стремительный переход из одного состояния к другому — «от тьмы к свету», — не остался незамеченным теми, кто уже во времена Владимира и при его преемнике Ярославе создавали идеологические концепции. И митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», и составители «Повести временных лет» объясняют этот феномен действием Божественной воли: «Велик еси Господи, чудная дела Твоя. Вчера [Перун] чьсти (был почитаем) от человека, а днесь поругаем» [150].

Владимир сознательно формировал образ своей столицы, включая в него наряду с постройками дворцов, зданием Десятинной церкви самые разные элементы, в том числе и те, что, казалось бы, противоречили политике утверждения христианской веры: античные статуи — две бронзовые скульптуры (впоследствии летописец назовет их «медяне 2 капищи») и четыре бронзовых лошади (квадригу). Их он поставил неподалеку от того места («за святою Богородицею» — Десятинной церковью), где еще недавно располагались языческие идолы [151]. В этом нельзя не увидеть проявления имперских амбиций князя, породившегося с византийским императором и сразу занявшего заметное место в кругу самых могущественных правителей европейских государств.

Подтверждает такое предположение и еще одно политическое предприятие князя — чеканка собственных золотых и серебряных монет. Первый выпуск золотых, которые являются повторением византийских солидов, был осуществлен, как считают исследователи, вскоре после брака Владимира в 989 г. с принцессой Анной. Как и на монетах-образцах, на одной

[143] Панченко, 2000. С. 330.

[144] Остатки одного из деревянных храмов той поры были раскопаны в крепости Белгорода, где Владимир поставил епископа (материалы раскопок еще не опубликованы). [145] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 162.

[146] Климент (I в.) — четвертый папа Римский, умерший около 97 г. в ссылке в Крыму. Его мощи были перенесены Владимиром в Киев и затем помещены в церковь Богоматери, известной под именем Десятинной. Культ святого с того времени получил широкое распространение на Руси (см.: *Бегунов*, 1974. С. 28–46).

[147] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 160, 162.

[148] Там же. С. 162.

[149] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 162.

[150] Там же. С. 160.

[151] Там же.

стороне золотых находится поясное изображение Христа Пантократора [152], а на другой — с надписью «Владимир на столе» представлен сам князь, восседающий на троне с императорским венцом на голове и крестом в правой руке [153]. Исследователи отмечают, что «из источников неясно, претендовал ли он на титул кесаря, но он носил титул кагана... Каганом и "единодержцем земли своей" именуется Владимира Иларион в "Слове о законе и благодати", которое испытало влияние панегириков византийским императорам» [154]. Если не прямо, то наверняка косвенно такого рода аллюзии усиливали и крещальное имя Владимира — Василий, т.е. «царственный», о чем напоминала и сооруженная им в Киеве на холме, где стоял ранее идол Перуна, церковь во имя его небесного покровителя святого Василия Великого.

Об авторитете киевского княжеского дома Рюриковичей красноречиво говорят династические браки, связавшие представителей семейства Владимира с правящими домами Европы и Византии. Известно, например, что Святополк был женат на дочери польского князя (с 1025 г. короля) Болеслава I, а Ярослав на дочери шведского короля Олава Шетконунга Ингигерде (Ирине), чья родная сестра Астрид стала женой норвежского короля Олава Святого. Дочь Владимира Добронега была выдана за польского князя Казимира I Восстановителя. Эту традицию продолжили внуки и правнуки Владимира Святославича [155].

Но, конечно, главным и самым ярким свидетельством имперских претензий князя Владимира и его окружения стало строительство Десятинной церкви, во многом повторявшей Фаросский храм Богородицы (Феотокос Фарос) в императорском дворце Константинополя, начатое в 991 г., как считают некоторые исследователи, по инициативе его супруги Анны [156]. Строили и украшали ее мастера, пришедшие из Византии («от греков»). После же завершения строительства настоятелем храма был поставлен Анастас Корсунянин, основную часть ее клира также составляли греки — «попы корсунские».

Кроме того, Владимир вложил сюда все, что было взято им из храмов Херсонеса — иконы, сосуды церковные и кресты [157], т.е. он сделал все возможное, чтобы церковь напоминала древние и наиболее чтимые храмы столицы империи — Константинополя. Но это, видимо, относилось и к другим каменным постройкам Киева, соорудившимся в те же годы и десятилетия. Византийские образцы они напоминали не только плановыми и конструктивными решениями, но и тем, что в их украшении использовали привозной мрамор, каменную резьбу, фресковые росписи, а также привозную богослужебную утварь.

Вместе с тем, как показывает тщательный анализ археологических материалов, связанных

с Десятинной церковью и дошедшими до нас постройками первой половины — середины XI в., ни один из этих памятников не являлся механической копией известных греческих храмов того же времени. Определяющее влияние на формирование их облика, помимо строительной и художественной традиции, которая была принесена на Русь византийскими зодчими, должны были оказывать, по крайней мере, еще три фактора: задачи собственно богослужебные, функциональные; задачи миссионерские, связанные с тем, что в богослужении особо важную роль должна была играть проповедь христианского учения только что крещенному народу; и задачи идеологические, определяемые заказом Владимира и его сыновей, связанные с возвеличиванием и прославлением их рода.

Аналогичная ситуация наблюдается и в литературе, входившей в сферу элитарной культуры, хотя бы потому, что была представлена текстами на церковнославянском языке, заметно отличавшемся от разговорных диалектов. Уже на начальном этапе становления национальной литературной традиции дают о себе знать присущие ей особенности. Одна из них заключалась в том, что «древней Руси XI–XII вв. современная ей византийская литература была совсем не известна или почти не известна», хотя именно в эту пору она «переживала одну из наиболее блестящих эпох исторического развития» [158]. Как отмечают исследователи, «даже беглый обзор переводной литературы показывает, что болгарские и русские книжники этого времени, отбирая для перевода материал, ориентировались преимущественно на авторов IV–VI вв., классиков греческой церковной литературы...» [159]. Особо ярко ориентация на классиков сказывалась в ораторской прозе: «В годы, когда в Византии эта область творчества давно пришла в упадок, в Болгарии и несколько позже на Руси возрождаются все основные жанры греческой ораторской прозы IV в., высокое ораторское искусство Златоуста и Григория Назианзина находит здесь достойных продолжателей — Климент Охридский, Иоанн Экзарх, автор "Слова о законе и благодати"» [160].

Объяснялась такая культурная ситуация тем, что «переводились в первую очередь произведения канонические и церковно-авторитетные, без которых не могла существовать церковная жизнь. А это были по преимуществу памятники ранние» [161]. Большой продуманностью отличался сам подход переводчиков к выбору сочинений для переноса на новую почву: «Трансплантируя византийскую литературу, Русь трансплантировала прежде всего ее фундаментальную основу, дабы строить на этой основе свою систему жанров, свои аксиомы, касающиеся искусства и творчества. Сам принцип, скорее всего, был заимствован из Болгарии» [162].

[152] Сотникова, Спасский, 1983. С. 60–69, 81.

[153] Свердлов, 1972. С. 151–159.

[154] Петрухин, 2000. С. 174.

[155] Назаренко, 2001. С. 505–616.

[156] Kämpfer, 1993. S. 101–110.

[157] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 166.

[158] «Ни один из более или менее знаменитых византийских писателей этой эпохи переведен [на славянский язык] не был, даже самый выдающийся из них — Михаил Пселл... "Житие Андрея Юродивого", анонимного автора X–XI вв. и "Толкования на слова Григория Назианзина" Никиты Ираклийского — экзегетика второй половины XI в. — вот, как кажется, и все, что знал древнерусский читатель XI–XII вв. о современной ему византийской литературе» (Еремич, 1966. С. 9, 10).

[159] Там же. С. 12.

[160] Там же. С. 16–17.

[161] Лихачев, 1973. С. 27.

[162] Панченко, 2000.

С. 331.

Значительное место в комплексе новых видов искусства, принятых Русью из рук Византии и Болгарии, крестившейся столетием ранее, занимала музыка, прежде всего пение, без которого невозможно было совершать литургию и другие общественные и частные церковные службы [163]. В праздничном церемониале великокняжеского двора существовала и инструментальная музыка. Однако состояние источников не позволяет судить о ее формах и о том, в какой мере на них влияла музыка традиционная, берущая свои истоки в очень отдаленных эпохах.

Естественно, что на протяжении всей истории Древней Руси отношения между культурой княжеского двора, имевшей статус официальной, государственной, культурой городского населения и культурой «народной», почвенной не оставались неизменными, они развиваются и относительно быстро видоизменяются. Это относится и к периоду от рубежа X–XI вв. до начала XII в., рассматриваемому в настоящем томе.

Произведения, отражавшие и одновременно формировавшие образ нового государства, составляли важнейшую, но вместе с тем относительно небольшую часть от общего числа изделий местных ремесленников, которые работали не только на заказ, но и на рынок, продолжая развивать почвенные художественные традиции. Лишь постепенно, наряду с типичными для разных славянских племен украшениями, вроде височных колец, в моду начинают входить и широко распространяться как предметы массового производства изделия, подражающие формам вещей престижных, драгоценных — привозных и созданных на Руси мастерами, обслуживавшими княжеский двор [164]. В захоронениях племенной знати находят вещи, в формах которых ощутимы разные влияния — славянские, скандинавские, византийские [165].

По мере развития городов складывается своеобразная синкретичная культура, сочетающая черты не утративших актуальность языческих культов с христианством [166]. Характерные для славянского язычества анимистические верования, связанные с поклонением духам предков, наполнявшие мир множеством других доброжелательных и злых духов, в сознании простого люда легко уживались с учением христианства о загробной жизни, о силах зла и добра, постоянно борющихся за душу человека. И если боги «славянского Олимпа» легко пали под напором христианства, то вера в духов (на языке христианства — «бесов»), по-своему переосмысленная, превратившаяся в суеверие, продолжала жить еще сотни лет. Уже в конце XI в. летописец дает пояснение, что идол Перуна был бит палками «для поругания беса, который обманывал людей в его образе» [167].

В Киеве, ставшем столицей могущественного государства, быстро растет население,

развиваются ремесла и торговля, распространяется грамотность. Постепенно в формирующейся городской среде складывается то, что некоторые ученые называют «третьей культурой». Заимствуя христианство, славяне принимали и компоненты симбиоза народной и городской культуры. Таким путем проникали сюда элементы поздней античности — эллинизма, мотивы ближневосточных апокрифов, восточного мистицизма и западной средневековой книжности, «которые... придавали всей славянской культуре... определенный облик, лицо, полноту и разносторонность ее внешних формальных и внутренних — идеологических и смысловых — проявлений и сущностей» [168]. В орбиту «третьей культуры» входили не только апокрифы, книги исторического содержания, сочинения, подобные уже упомянутому трактату Космы Индикоплова, сборники изречений и поучений на разные случаи жизни, такие как «Пчела», включающие тексты Аристотеля, Демокрита, Платона, Гомера, Плутарха, Пифагора, Ксенофонта, Геродота, но и сказания, типа «Повести об Акире Премудром», восходящей к древней арамейско-вавилонской легенде VII в., а также и тексты, составлявшие репертуар представлений скоморохов [169]. Именно в этом сегменте культурной традиции идет процесс «брожения» идей, складывается интеллектуальная среда.

Созидавая государство, очерчивая и закрепляя его границы, Владимир проводит целенаправленную политику на утверждение в сознании своих подданных идеи духовной общности, благодаря которой разные этнические группы должны были осознавать себя единым народом — русичами, русскими [170]. Даже организуя военное дело и осуществляя строительство крепостей, чему он придавал первостепенное значение, князь руководствовался, по всей видимости, не только чисто практическими соображениями. Ставка здесь делается не на наемные дружины варягов, к помощи которых Владимир продолжал прибегать в самых крайних случаях, а на племенную знать, интегрируемую таким образом в структуру административного управления. Как сообщает летопись, он ставит города вокруг Кива — на Десне, по Остру, на Трубеже, «и по Суле, и по Стугне», и населяет их «лучшими мужами», набранными «от словень, и от кривичь, и от чюдии, и от вятичь» [171].

Разрушая старые принципы организации общества, основанные на кровном родстве, племенных традициях, Владимир как истинно христианский государь, предстатель за свой народ перед Богом, начинает раздавать людям пищу и деньги и регулярно устраивать на своем дворе в гриднице пиры для бояр, «гридей» (младших дружинников) «и сотских, и десятников», и «нарочитых мужей» [172]. Но такая демонстрация неразрывной связи князя

[163] Герцман, 1989. С. 557–570.

[164] Беляев Л., 1997. С. 34.

[165] См., например, статьи Ю.М. Лесмана, Л.П. Михайлик, В.Я. Петрухина и др. в сб.: Славяно-русское ювелирное дело, 2006.

[166] На кладбищах и в поселениях XI в. находят амулеты в виде круглых подвесок — солнц, топориков, молоточков, но вместе с тем и нательные кресты, и металлические иконки с изображением святых (см.: Довженко, Гончаров, Юра, 1966; Дяденко, Моця, 1986. С. 84–85; Русанова, Тимошук, 1990. С. 157; Русанова, 1997. С. 60).

[167] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 160.

[168] Толстой, 1996. С. 147–148.

[169] Данилевский, 2001. С. 212–214.

[170] А.П. Толочко, опираясь на положения книги Б. Андерсона «Воображенные сообщества» (Андерсон, 2001), предлагает рассматривать, с необходимыми оговорками, «древнерусскую народность... не как статическую этническую общность (характеризующуюся набором "существующих всегда" признаков)», а как постоянно развивающееся, «реализуемое в серии действий и ежечасно подтверждаемое в человеческом опыте "воображаемое сообщество"» (Толочко, 2002. С. 116).

[171] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 166, 168. После принятия крещения Владимиром были возведены не менее 100 крепостей и неукрепленных поселений, более 500 км земляных укреплений (Рыбаков, 1965. С. 126). В оборонительные линии входили и «змиевы валы» (см.: Кучера, 1987).

[172] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 170.

с народом вовсе не означает, что культура княжеского двора приобретает «демократические» черты. Она остается сугубо кастовой, иерархической и замкнутой. Ее церемониал и строго ранжированный уклад, сложившийся еще во время правления княгини Ольги, сохраняется и при Владимире, и при Ярославе. Насколько это было возможно, он был ориентирован на ритуал жизни константинопольского императорского двора, о чем свидетельствуют росписи стен лестничных башен Софийского собора в Киеве, созданные в середине XI в. [173] Здесь можно видеть и конные состязания на ипподроме, и сцены охоты, и представления ряженных. Все это полностью соответствует традиционным развлечениям, на протяжении сотен лет существовавшим при дворах восточных владык, греческих царей, римских и византийских императоров и высших сановников.

Об особом этикете, регулирующем отношения в среде окружающей князя, свидетельствует описание погребения Владимира, отразившее общий синкретический характер придворной культуры того времени. Тело умершего князя было завернуто в ковер, очевидно немалых размеров, и затем его на веревках опустили через пропиленный пол горницы вниз и положили, согласно древнему скандинавскому обычаю, на сани, после чего отвезли в Десятинную церковь. Там же после свершения отпевания князь был погребен в «гробе мраморяне» [174].

Безусловный авторитет и притягательность Киева как столицы нового христианского государства способствуют утверждению сознания общности всей гигантской территории Руси. Несмотря на жесточайшую войну между наследниками Владимира, разразившуюся после его смерти в 1015 г. и продолжавшуюся до 1019 г., ни у одного из них не возникает соблазна разделить страну, как это будет происходить всего лишь через несколько десятилетий — в конце XI — начале XII в. Даже гибель в том же 1015 г. сыновей Владимира Бориса и Глеба, ставших жертвами борьбы за киевский престол между их старшими братьями Святополком и Ярославом, была затем использована последним для укрепления идеи единства Русской земли. Еще до официальной канонизации в 1072 г. они почитаются в княжеской среде как «заступники Русской земли», вечно молящиеся перед Царем небесным «о своих людех» [175], т.е. народе русском. В текстах, посвященных святым Борису и Глебу, в которые наряду с летописной повестью входят «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба» и «Чтение о житии и погублении блаженную страсотерпцю Бориса и Глеба», написанное Нестором, впервые используется понятие «отечество»: «Вы убо... стълпа (столпы) и утвържение земле нашея. Темь же и борета по своемь отъчъстве и посо-

бита, яко же и великий Димитрий» [176] (имеется в виду св. Дмитрий Солунский, особо почитавшийся в славяноязычной среде). Клятва верности у гроба св. Бориса и Глеба становится важнейшей частью устава чести для князей дома Рюриковичей [177].

С наибольшей силой идеи, связанные с представлениями о высшем предназначении Русской земли, ее народа и правивших ею князей, получили выражение в «Слове о законе и благодати» Илариона, первого русского митрополита на Киевской кафедре, поставленного в 1051 г. по настоянию Ярослава Мудрого. Символический образ народа — избранника Божьего, над которым Господь простер свою десницу, возникает в первой же строке «Слова», начинающегося с благодарной молитвы Богу: «яко посети и сотвори избавление людем своим». Иларион тут прямо говорит именно о русском народе: «Вера бо благодетьнаа по всеи земли простресея и до нашего языка рускааго доиде... И тако странни (чуждые) суще, людие Божии нарекохомся, и врази бывшее, сынове его прозвахомся» [178].

Тема богоизбранности достигает апогея в том месте, где ораторская речь Илариона переходит в панегирик князю Владимиру. Здесь Русь ставится в один ряд со странами и землями, прославленными просветительской миссией апостолов, — с Римом, Эфесом, Патмосом, Египтом, Индией: «Вся страны и гради, и людие чтут и славят коегождо их учителя, иже научиша я православней вере. Похвалим же и мы, по силе нашеи, малыими похвалами велика и дивна сътворышааго нашего учителя и наставника великааго кагана нашеа земли Володимера» [179]. Славословие Владимиру завершается величественной и всеохватной панорамой Русской земли, преобразенной светом христианской веры, с которой соединяется своего рода «коллективный портрет» возродившегося к новой жизни народа: «Епископи сташа пред святым олтаремь..., попове и диаconi, и весь клирос, украсиша и в лепоту одеша святыа церкви. Апостольскаа труба и евангельскы гром вси грады огласи; темиан, Богу въспущаем, воздух освяти. Манастиреви на горах сташа, черноризыци явишася. Мужи и жены, и малии и велиции, вси людие, исполнеше святыа церкви, въславиша, глаголющее: "Един свят, един Господь, Иисус Христос... Христос победи! Христос одоле! Христос въцарися! Христос прославися!"».

Прямую параллель этому замечательному образу торжествующего православия представляет Софийский собор в Киеве, не имеющий прямых аналогий в зодчестве и монументальной живописи Византии того времени ни по масштабам здания, ни по числу изображений святых, представленных на его стенах и столбах. Как будто вся вселенская церковь встречает здесь новый христианский народ, чтобы принять его в свое лоно. Грандиозное изображение

[173] Кондаков, 1888. С. 187–306; *Высоцкий С.*, 1989.

[174] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 174.

[175] Там же. С. 180.

[176] Там же. С. 348.

[177] *Хорошев*, 1986. С. 33.

[178] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 38, 40.

[179] Там же. С. 42, 44.

Богоматери Оранты в центральной апсиде, олицетворяющее земную Церковь, рисуется на золотом фоне ее конхи подобно фигуре могучего кормчего на фоне наполненного ветром паруса гигантского корабля. Не случайно С.С. Аверинцев, отмечавший, что «хотя нет ничего более чуждого духу греческого мифа, чем христианский образ Матери-Девы», не мог не заметить существования глубинного содержательного родства мозаики киевской Софии с образом градодержательницы девы Афины: «Будучи матерью устрояемых ею человеческих городов, Афина по-матерински заступает за них перед Зевсом и... покрывает их покровом своих рук» [180].

Если судить по «Слову о законе и благодати», аллюзии такого рода или подобные им были уже вполне доступны для понимания русских людей. Сам Иларион писал об этом так: «Поминать же в писании сем и пророческую проповедь о Христе, и апостольское учение о жизни будущего века излишне было бы и похоже на тщеславие. Ведь излагать здесь то, что в иных книгах писано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолубия. *Ибо не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся в книжной сладости, не враждующим с Богом иноверным, но истинным сынам его, не чуждым, но наследникам царства небесного*» [181] (курсив мой. — Л.Л.).

Конечно, «Слово о законе и благодати», сам собор Св. Софии, его мозаики и фрески воплощали идеальный образ новой цивилизации, а не реальную картину духовной жизни большей части населения страны. Но вместе с тем данный проект «воображаемого сообщества» [182] осуществлялся и на практике. Для этого уже имелись средства и силы, существовали государственные и церковные структуры, способные его реализовать. Памятники искусства, созданные в эти годы в Киеве, Чернигове, Тмутаракани, Новгороде, Полоцке, тому прямые свидетельства.

Высочайший уровень развития архитектуры и искусства времени Ярослава Мудрого (1019–1054) был связан не только с тем, что на Русь в это время приезжают греческие мастера из Константинополя и других крупных центров Византии. Столь же важно, что в придворной среде Киева и Чернигова и в других городах, особенно там, где находились епископские кафедры, появляется слой книжно образованных, широко мыслящих людей, выступавших в качестве заказчиков храмов, определявших идейные программы монументальных росписей.

Естественно, что решающая роль здесь принадлежала представителям православного духовенства, среди которого на протяжении X–XII вв. было много греков. Их роль в жизни церкви и государства была чрезвычайно разнообразна и сложна. Так, Е.Е. Голубинский отмечал полезность греческих поставлений

на Киевскую кафедру, поскольку греки митрополиты, подчинявшиеся патриарху Константинопольскому, не были напрямую зависимы от великих киевских князей и могли стоять над политическими страстями, кипевшими на Руси [183].

Церковь, формировавшая духовное пространство нового государства путем организации епископских кафедр, не просто олицетворяла, но и создавала реальные условия для единства Русской земли. Вместе с тем высший слой духовенства, в том числе и в епархиях, являлся проводником всех тех идей, что рождались и обсуждались в центре православного мира — в Константинополе. Через храмы, в большей своей части деревянные, количество которых быстро увеличивалось, грамотность и книжная культура проникают в самые отдаленные уголки Руси. Сведения о количестве церквей в интересующее нас время крайне противоречивы. Еще Е.Е. Голубинский обращал на это внимание, приводя данные Никонской летописи о пожаре Киева 1017 г. и «Хроники» Титмара Мерзебургского 1019 г. Согласно им, в городе в ту пору было от 400 до 700 храмов, включая, конечно, и домовые [184].

Не только государство, вводившее законы, вроде «Устава Владимира» и «Русской Правды» Ярослава, но и Церковь, воспитывавшая нравственное чувство, оказывала заметное влияние на правовое сознание народа. В памятниках церковного права, приходивших на Русь из Болгарии, переводившихся с греческого на церковнославянский язык, помимо норм, регулирующих внутрицерковную жизнь, содержались статьи, касающиеся семейного и брачного права [185].

Особая роль в деле духовного образования Руси принадлежала монастырям, которые начинают основываться митрополитами и князьями. Среди них были, несомненно, и миссионерские обители, чьей первоочередной целью было распространение христианства в массах населения, но на первых порах это были в основном городские монастыри, существовавшие за счет вкладов князей, знатных и богатых людей. Одними из первых в их числе были обители Св. Георгия и Св. Ирины, небесных покровителей князя Ярослава и его жены, поставленные недалеко от Софийского собора Киева, на территории, обведенной новой стеной и валом и получившей название Ярославова города.

Монастыри становились центрами интеллектуальной деятельности, просвещения и культуры. Здесь, как правило, находили для себя пристанище наиболее образованные и творчески одаренные люди — переписчики книг, составители летописей, богословы, художники-иконописцы. Монастырское строительство, расцвет которого приходится на вторую половину XI — начало XII в., отражает не только те изменения, что происходили

[180] Подтверждая эту параллель, он цитирует слова знаменитого греческого мудреца и поэта VI в. до н.э. Солона: «Наш же не сгинет народ никогда по немилости Зевса // Или от гнева других в сонме бессмертных богов: // Великодушная наша заступница, дева Афина, // Зевса державного дочь, руки простерла над ним» (Аверинцев, 1972. С. 28, 29).
[181] Цит. по пер.: БЛДР, 1997. Т. 1. С. 29.
[182] См. примеч. 95.
[183] Голубинский, 1997. С. 320, 323–325 (см. также: Толочко, 2005. С. 134).
[184] Голубинский, 1998. С. 5.
[185] Щапов, 1978. С. 10.

в духовной жизни страны. Часто оно было напрямую связано с событиями политической истории того времени, поскольку, как правило, основателями их были наследники Ярослава Мудрого, его сыновья и внуки, от чьей воли зависела судьба государства.

Как уже было сказано, смерть Ярослава в 1054 г. стала рубежом, с которого начинается новый период в истории Руси. В том же году произошло еще одно событие, ставшее поворотным в истории христианства, — официально был провозглашен разрыв между Западной (католической) и Восточной (православной) церковью. В плане политическом эта новая ситуация не привела к разрыву отношений Руси с ее западными соседями. Более того, они продолжают развиваться, о чем свидетельствуют династические браки, заключавшиеся именно в этот период. В 1060–1070-х гг. при киевском дворе складываются своеобразные «правлящие партии», сменяющие друг друга. Одна из них была связана с Польшей, другая — с Германией [186]. При этом в сфере политической жизни и жизни внутри княжеских дворов запреты на общение с «латинянами», звучавшие из уст представителей Церкви, в том числе преподобного Феодосия Печерского, пользовавшегося непререкаемым авторитетом у киевских князей, действия не имели. Запрет Феодосия «никак не повлиял на матриониальную и культурную практику ни этого (имеется в виду поколение детей Ярослава Мудрого. — Л.Л.), ни следующих поколений русских князей. И после схизмы в их глазах Запад не стал "отреченным"» [187]. Исследователи отмечают, что «культурная терпимость была для христианизированной Руси не исключением, но правилом. Терпимость... позволяла синтезировать элементы ахристианские и христианские, восточные и западные, греческие, славянские и латинские» [188]. Справедливость этого наблюдения подтверждают сохранившиеся памятники живописи, пластики, ювелирного искусства.

Согласно завещанию Ярослава, киевский престол в 1054 г. унаследовал его старший сын Изяслав. Остальные сыновья получили в управление и «кормление» крупнейшие города, ставшие центрами больших регионов Русской земли. Святославу достался Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир Волынский, а Вячеславу — Смоленск [189]. При этом «Завещание Ярослава» подразумевало сохранение неделимости страны, она должна была оставаться общим достоянием князей дома Рюриковичей: «Имейте межы собою любовь, понеже вы есте братья [от] одного отца и единой матери... Аще ли будете ненавистно живуще, в распряхъ..., то и сами погибнете, и землю отецъ своихъ и дедъ погубите...» [190] (курсив мой. — Л.Л.). Соответственно принципу общего достояния [191], устанавливался порядок занятия киевского великокняжеского

стола не непосредственно от отца к старшему сыну и затем к внуку, но к старейшему в роде — сперва от брата к брату, затем, уже во втором поколении, от старшего князя к младшему и т.д.

Строительство монастырей подтверждает сведения летописи и как бы закрепляет провозглашенный в «Завещании» принцип. Независимо от того, в каком городе «сидели» поименованные в нем князья, все они воздвигают для вечного поминания их самих и членов их семейств монастыри в Киеве — единой столице Руси, ее духовном центре. Изяслав Ярославич основал Дмитриевский монастырь, Святослав Ярославич — монастырь Св. Симеона, а Всеволод Ярославич — монастыри Св. Андрея (Янчин) и Св. Михаила в Выдубицах. Можно было бы даже сказать, что в этом строительстве получила развитие та же идея единства земли, которую преследовал Ярослав, задумавший создать «реплики» киевского Софийского собора, что и было осуществлено еще при его жизни в Новгороде и чуть позже в Полоцке.

Но уже первые годы правления Изяслава показали, что реализации идеи единства в том виде, как она была сформулирована Ярославом, мешает множество обстоятельств объективного характера. На Руси не существовало ни единой административной системы, ни единого войска. Каждый князь организовывал на месте свой аппарат управления и имел собственную дружину. В случае смерти старого князя приходивший на его место новый князь приводил своих людей, и этот цикл перемещений охватывал всю территорию Руси. Так, уже в 1057 г., после смерти Вячеслава Ярославича на его стол в Смоленск великий князь перевел из Владимира Волынского Игоря Ярославича, который тоже вскоре умер (в 1060 г.) [192]. При таких условиях князь не мог раздавать землю в собственность дружине, она оставалась в общей собственности. Обладая землей по договору, на основании права силы, он не пользовался ею, не развивал хозяйство [193]. Все это сдерживало развитие феодальных отношений, к этому времени в Западной Европе уже установившихся.

Не лучше обстояло дело в области военной. В случае возникновения опасности чужеземного вторжения князья часто оказывались вынужденными отражать набеги врагов в одиночку. Так было в 1061 г., когда впервые на Русскую землю пришли половцы и ударили по Переяславлю, где княжил Всеволод Ярославич: «И бившимся имъ, победиша Всеволода и, воеваше отъидоша» [194].

Существовали и другие факторы, не менее существенные, оказывавшие заметное воздействие на политическую жизнь Руси. Здесь, в первую очередь, следует назвать личные амбиции наиболее могущественных князей, большую роль местного боярства, заинтересованного

[186] Назаренко А., 2001. С. 505–616.

[187] Панченко, 2000. С. 332.

[188] Там же. С. 333.

[189] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 202.

[190] Там же.

[191] Назаренко А., 1986. С. 149–147.

[192] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 204.

[193] Б.Н. Флоря называет этот феномен «централизованной эксплуатацией» (Флоря, 1992. С. 56).

[194] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 204.

в развитии феодальных отношений, и, наконец, отношения внутри самого клана Рюриковичей, усложняющиеся по мере его разрастания [195].

Первым и самым мощным выражением стремления к разрушению политического единства стала военная акция полоцкого князя Всеслава Брячиславича, напавшего зимой 1066/67 г. на Новгород, сжегшего город и разграбившего Софийский собор. Череда последующих событий привела к распаду правящей Русью коалиции трех братьев. Изяслав, изгнанный из Киева восставшими жителями, чтобы вернуть себе стол, привел на Русь войска племянника своей жены Гертруды польского князя (впоследствии короля) Болеслава II. Святослав и Всеволод были недовольны неправомерными, с их точки зрения, действиями Изяслава при возврате Киева.

Тем не менее после возвращения Изяслава в 1069 г. в Киев союз был восстановлен и даже символически скреплен при перенесении в мае 1072 г. мощей Бориса и Глеба во вновь построенный храм в Вышгороде близ Киева. Этот год считается датой официального прославления церковью благоверных князей-страстотерпцев как первых русских святых: «Отверзоша раку, исполниися церкви благоухания... И митрополита ужась обниде (объял), бяше бо не твердо веруя к нима; и падь ниць, прося прощения... И отпеше литургию, обедаша братья си вся накупь (вместе) ...и с любовью великою» [196].

Однако мир продолжался недолго, в марте 1073 г. Изяслав вновь был изгнан из Киева, на этот раз не киевлянами, а братьями Святославом и Всеволодом. Причиной конфликта, возможно, было столкновение интересов разных «партий» — польской, возглавляемой Изяславом, и германской, во главе которой стоял Святослав [197]. Как бы там ни было, само по себе это событие стало важной вехой в истории Руси. С него начинается тогда еще скрытый, но очень скоро ставший явным процесс закрепления уделов Русской земли за определенными ветвями князей из дома Ярослава. Само по себе переплетение двух событий, абсолютно противоположных по сути, — с одной стороны, канонизации Бориса и Глеба, символизирующей единство Русской земли и верность принципу братской любви в среде Рюриковичей, с другой — распад правящего Русью триумvirата — очень точно характеризуют ситуацию, сложившуюся во второй половине XI — начале XII в. Политические реалии здесь впервые открыто столкнулись с реалиями духовной жизни, показав, что последняя уже не подчиняется впрямую воле князей.

В летописи действия Святослава, занявшего киевский престол, получили откровенно негативную оценку. Этот конфликт показал глубину проникновения христианской морали в сознание как элитарной среды русского

общества, так и уже достаточно широких слоев городского населения. Возможно, стремлением хотя бы отчасти замоливать грех было продиктовано участие Святослава в строительстве каменного собора Киево-Печерского монастыря, инициированном игуменом Феодосием.

Основание около 1062 г. монастыря, получившего название Печерского, частными лицами, а не правящим князем или членами его семьи, — важнейшее свидетельство того, что семена новой веры начали прорастать на русской почве и дали всходы, что к этому времени на Руси, помимо государственной культуры, появляется и начинает ощутимо влиять на жизнь еще одна культурная традиция, близкая первой, но не совпадающая с ней. Нравственный идеал, которым руководствовались сам игумен и братия монастыря, нашел отражение в уставе монашеского служения, сочетавшем в себе черты сурового аскетизма, заставляющего вспоминать о подвигах древних египетских и палестинских анахоретов, и сердечной простоты, неколебимости в исповедании догматов православия и одновременно смирения и доброты [198]. Так, в послании князю Изяславу «О вере латинской» преподобный Феодосий писал: «Милостынею же милуй не токмо своя веры [людей], нъ и чюжея. Аще же видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бедою одържима, аще ти будеть ли жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли отъ поганыхъ — всякого помилуй и от беды избави, якоже можеши» [199].

Интонации проповеди Феодосия, притягательность его личности, несомненно, наложили свою печать на стиль мышления Нестора — автора «Жития Феодосия», «Чтения о Борисе и Глебе», составителя «Повести временных лет», жившего в конце XI — начале XII в. в Печерском монастыре. Воспринятый им идеал, может быть, наиболее ярко проявился в характеристике убитого в битве на Нежатиной ниве в 1078 г. князя Изяслава, к которому благоволил преподобный Феодосий: «Клюкъ же (хитрости) в нем не бе, ни льсти, но простъ умомъ, не воздавая зла за зло... Любве же ради... сий князь проля кровь свою за брата своего, свершая заповедь Господню» [200].

Еще недавно отвлеченный и недоступный христианский идеал, обладающий чертами государственной идеологии и элитарной культуры, начинает постепенно очеловечиваться. И тут литература и искусство идут рука об руку с жизнью. Все события, происходившие в последней четверти XI — начале XII в., представляют собой своеобразный «синтез династических обычаев с... практикой христианской церкви» [201].

Ход истории того времени даже в описании, казалось бы, бесстрастного летописца, отличается поистине «шекспировским»

[195] «По мере роста семьи политическая география и родственные связи становились все сложнее и запутаннее... Возникло слишком много переменных величин» (Франклин, Шепард, 2000. С. 397).

[196] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 220.

[197] Назаренко, 2001. С. 505–616.

[198] См. характеристику преп. Феодосия, данную Г.П. Федотовым: Федотов, 1989. С. 32–48.

[199] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 450.

[200] Там же. С. 238, 240.

[201] Франклин, Шепард, 2000. С. 397.

драматизмом. В период недолгого великого княжения Святослава Ярославича (1073–1076) реальное управление огромными территориями Русской земли, от Новгорода до Тмутаракани, оказалось в руках его сыновей, которые менее всего были склонны принять правила игры, установленные дедом. Ведь в соответствии с ними их «отчина» Чернигов должна была перейти к Всеволоду, второму по старшинству князю в семействе Ярославичей. Опять столкнулись два принципа — общего владения Русской землей и независимого владения своим собственным уделом, наследуемым от отца. Кроме того, они не хотели отдавать Новгород, находившийся в управлении Глеба Святославича, своему дяде Изяславу, вновь вернувшемуся на киевский престол. В 1078 г. началась кровавая война между сыновьями и внуками Ярослава, тянувшаяся почти 20 лет, одной из первых жертв которой стал Изяслав. Помимо русских князей в нее были втянуты половцы, попеременно принимавшие то одну, то другую сторону, но все же чаще оказывавшиеся в стане черниговских князей.

На арене русской истории впервые оказывается столь много почти портретно представленных личностей, отличающихся остро характерным поведением, особыми манерами. Это Всеволод Ярославич, Олег Святославич, княгиня Гертруда, жена Изяслава, их сыновья Святополк и Ярополк Изяславичи, Владимир Всеволодович Мономах и др. Видимо, неслучайно актуальнейшей темой литературы и искусства, выдвинутой на первый план самой историей, становится идеал нравственного поведения и его воплощение в образе конкретного человека. Эта тенденция, получившая яркое претворение и в зодчестве, и в живописи Руси, полностью совпала с тем, что можно наблюдать в искусстве Византии последней трети XI — начала XII в., где торжествовал отличающийся возвышенным спиритуализмом стиль, получивший название «комниновский» по имени правившей в ту пору императорской династии.

В истории, как и в искусстве, прежний образ единого монолитного клана Рюриковичей превращается в своего рода коллективный портрет, где каждая персона заметно отличается и отделяется от рядом стоящих не только чертами лица, но и характером. Факт деления страны на уделы был подтвержден на съезде князей в Любече в 1097 г. Собравшиеся здесь старшие представители всего семейства Рюриковичей выработали новый по сравнению с «Завещанием Ярослава» принцип регулирования отношений между собой: «Будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей» [202]. Последующие события продемонстрировали, сколь трудно было практически реализовывать этот принцип, но он, безусловно, стал той правовой основой, на которой начали утверждаться и достаточно

быстро развиваться феодальные отношения внутри «отчин». Показательно, что первые явные упоминания о владении князьями земель как неотчуждаемой собственностью относятся именно к рубежу XI–XII вв. [203]. К этому же времени относятся и сведения о появлении в столицах «отчин» Ярославичей — Чернигове и Переяславле, — епископов, которым был даровано личное право носить титул митрополита [204].

Столь же симптоматична проявившаяся в тот же период тенденция к увеличению дистанции между старшими и младшими князьями, между князем и «старшей дружиной» — могущественным боярством. Об этом, в частности, свидетельствует сообщение «Повести временных лет», помещенное под 1093 г., о том, что великий киевский князь Всеволод Ярославич тяготился домогательствами племянников, требовавших для себя земельных владений — волостей. Недоверие к ним и к «старшей дружине» заставляло его все чаще прислушиваться к мнению «младшей дружины», т.е. ближайшего окружения, лично ему преданных слуг, охраны, воинов: «И нача любити смысл (советы) уныхъ (т.е. юных, не достигших зрелого возраста, не имеющих еще высокого социального положения) и светъ (совет) творяше с ними» [205]. В этой среде складывается особый тип культуры, в котором ригоризм официальной идеологии сменяет заметно более смягченная интонация, дают о себе знать черты поэтической возвышенности и благородной сдержанности чувств. Несомненно, большое влияние на ее характер оказывала монастырская среда, развивавшая идеи своего духовного вождя Феодосия [206].

Новое положение удельных князей, ставших полновластными владыками в своих «отчинах», рост могущества местного боярства послужили причиной начавшегося подъема художественной деятельности практически во всех крупных местных центрах. Если еще в последней трети XI в. каменное строительство велось главным образом в Киеве, то уже в конце этого столетия и в начале следующего большие каменные храмы и палаты начинают почти ежегодно возводиться в Чернигове, Новгороде, Переяславле, Суздале, Смоленске и других городах. Находящиеся у власти князья, как правило, и выступают их заказчиками.

В большинстве случаев строительство это было ориентировано на киевские образцы, и нередко в нем принимали участие киевские зодчие, о чем говорят формы храмов, их конструктивные и технико-технологические особенности и даже монументальные размеры зданий, сопоставимые лишь с размерами стольких построек. Светлые и просторные, они создают ощущение целостного пространства, образ которого органично связывается с идеей духовного единства Русской земли. Здесь в полной мере проявилась та роль,

[202] Цит. по пер.: БЛДР, 1997. Т. 1. С. 271.

[203] Данилевский, 2001. С. 136.

[204] Понне, 1968. Т. XXVIII. С. 85–108; Т. XXIX. С. 95–104.

[205] БЛДР, 1997. Т. 1. С. 250; Данилевский, 2001. С. 109.

[206] К самым ранним памятникам, свидетельствующим о влиянии монастырской среды на культуру придворной среды, относятся «Житие Феодосия», «Изборники» 1073 г. и 1076 г., созданные для князя Святослава и содержащие выдержки из сочинений философского, вероучительного и нравоучительного характера, в том числе из произведений аскетической литературы (см.: Еремин, 1947. Т. 5. С. 159–184; БЛДР, 1997. Т. 1. С. 352–455; Изборник Святослава, 1977; Изборник 1076 года, 1965).

которую играла Русская церковь в деле формирования национального мышления, — благодаря ей политическая целесообразность и христианское нравственное начало, не совпадающие друг с другом, оказываются связанными в тугой узел.

Христианский идеал овладевает сознанием народа не только как предписанное к исполнению правило, он укореняется в самой жизни как безусловная нравственная норма. Отклонение от него навечно накладывает клеймо на отступника. Достаточно прочесть рассказ «Повести временных лет» об ослеплении князя Василька Теребовльского владимиро-волынским князем Давыдом Игоревичем, чтобы убедиться в этом. Особенно красноречив эпизод с осуждением виновника трагедии старшими князьями: «И стояли все братья на конях: и стал Святополк [киевский] со своей дружиной, а Давыд и Олег [Святославичи, князья черниговские] каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпусти они его к себе... Посланные же [ими мужи] пришли к Давыду и сказали ему: "Так говорят тебе братья: Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо вверг ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле"» [207].

Но, несомненно, наиболее полно и осознанно декларирует нормы поведения христианского государя Владимир Мономах в своем «Поучении», обращенном к сыновьям. Главная мысль этого своеобразного нравственного устава для князей дома Рюриковичей заключена в словах: «...страх имейте Божий в сердцах своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру» [208]. Обращаясь к сыновьям и к двоюродному брату Олегу Святославичу, Владимир Мономах сумел найти определение тому, что составляло существо духовного идеала целой эпохи. Особенно важна для него способность человека заглядывать в глубину своей души («душевные помыслы»), судить самого себя [209] и достигать согласия ума и сердца. Не случайно мы так часто находим у него слова «помыслил я в душе своей», «вникнуть в помыслы души своей», с которыми сочетается призыв отказаться от гордыни: «Паче всего, гордости не имейте в сердцах и въ уме» [210].

В мудрости и простосердечии Мономаха сказывается не только его личный опыт, но и опыт столетнего исторического пути, пройденного Русью со времени ее крещения при князе Владимире до начала XII в. Благодаря ему некогда разрозненные восточнославянские племена создали свою государственность и, несмотря на начавшееся разделение Русской земли на самостоятельные княжества, превратились в единую народность, имеющую свою культурную традицию, связанную прочными духовными узами. Опосредованно все это находило свой отклик в искусстве, для которого годы пребывания на киевском престоле

Святополка Изяславича (ум. в 1113 г.) и Владимира Всеволодовича Мономаха (ум. в 1125 г.) стали эпохой бурного развития и расцвета [211].

В свое время, приступая к систематическому изложению курса русской истории, В.О. Ключевский писал: «Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями» [212]. Если попытаться этой меркой оценить эпоху, о которой идет речь на страницах настоящего тома «Истории русского искусства», то следует сказать, что это было время глубоких изменений в облике самой земли, и в человеческой природе. Его итогом стало образование крупнейшей на политической карте Европы страны, чье население, несмотря на сохраняющиеся разные по своему происхождению этноплеменные традиции, начинает ощущать себя единой народностью, говорящей на одном языке и приверженной к единым духовным ценностям. Определились контуры западных, северо-западных и юго-западных границ государства, в основных чертах совпадающие с пределами распространения православия и сферой влияния Киевской митрополии. Получили твердый правовой статус города — центры «отчин» и волостей, которые именно тогда стали основой политической, экономической и церковной инфраструктуры Руси и продолжали оставаться таковыми на протяжении последующих веков ее истории.

Л.И. Лифшиц

[207] Цит. по пер.: БЛДР, 1997. Т. 1. С. 286.

[208] Там же. С. 456.

[209] В послании к двоюродному брату Олегу Святославичу Владимир, упрекая его в отступлении от заповеди христианской любви, пишет, как следует раскаиваться в грехах своих: «И рещи бяше Давыдски (т.е. Рек бы словами царя Давида): "Азь знаю, грехъ мой предо мною есть воину (вечно)"» (цит. по пер.: БЛДР, 1997. Т. 1. С. 472).

[210] Там же. С. 456, 462, 472.

[211] Автор «Повести временных лет» сравнивал эту эпоху с благодатным временем пожинания урожая, посеянного и возвращенного трудом предыдущих поколений, и наслаждения его плодами: «Ярославъ, сынъ Володимерь, насяя книжными словесы сердца верныхъ людей. А мы пожинаемъ, учение приемлющее книжное» (цит. по пер.: БЛДР, 1997. Т. 1. С. 194).

[212] Ключевский, 1956. Т. 1. С. 43.